

Раим Фархади

**ПОД СНЕГОМ ЛЕГЕНД
ЗЕЛЕНЕЕТ ТРАВА**

Стихотворения и поэмы

Ташкент
Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
1981

Рецензент,
кандидат филологических наук
П. И. ТАРТАКОВСКИЙ

70402—221
М352(04)—81 90—81 4702010200

© Издательство литературы и искусства имени
Гафура Гуляма, 1981 г.

ГОРЫ МОИ

Самарканд в окружении гор —
Словно древние, верные стены,
Страж гранитный,
 священный,
 бессменный,
Да чинар неусыпный дозор.

Самарканд в окружении гор...

Как тревожит мерцанье тюльпана,
Точно кем-то зажженный костер
У железных ворот Тамерлана.
Самарканд в окружении гор.
Не останки веков, не руины —
Исполины. И ясен их взор,
Берегущие город старинный.

Самарканд в окружении гор.

Зарафшанской долины простор
И высокий целительный воздух,
Что настоян на травах и звездах.
Самарканд в окружении гор.

Бури-годы,
 потоки событий.

Ветер времени гулок и скор,—
Как прекрасен, вы только взгляните,
Самарканд в окружении гор!

И за самой последней чертою
Лишь сюда бы

я руки простер...

И хотел бы подняться горою,
Чтоб увидеть рассветной порою
Самарканд в окружении гор!

Горы мои

Горы сошлись.
 Сплелись. Обнялись.
Белые реки. Синяя высь.
Сколько б ни шел,
 обернешься назад:
Деды и прадеды
 рядом стоят.
Горы седые —
 они выше всех.
Лег им на плечи
 нетающий снег.
Эта вершина —
 отцова гора.
С виду сурова,
 А сердцем добра.
Камень угрюмый,
 ущелей гранит
В недрах
 великие тайны хранит.
Эта гора —
 как ее не узнать:
Мудрая,
Светлая,
Нежная Мать!
Лозы по склонам...
 Орех и миндаль...

Здесь родниковая
 наша печаль.
Снова гора.
 И за нею — гора.
Эта гора —
 словно легче пера.
Эта гора —
 словно дым от костра...
С гор каменистых —
 в долину ручьи.
Горы,
Могучие горы мои!
Только оклики,
 пройдя по тропе,
Горы, гудя,
 отзовутся тебе.
Грохот обвала,
 гуденье лавин
Не потревожат их гордых седин.
Эта гора —
 На ладони ее
Ты обретешь
 и тепло и жилье.
Горы все дальше.
 И нет им конца.
Спесь всю собьют,
 отрезвят гордеца.
Слабому силы подарят они.
Встань на тропе
 и на горы взгляни.
Кружатся птицы.
 Летят в небосвод.
Гор вереницы — это народ.
Веря, надеясь,
 тоскуя, скорбя,
Горы пройди. И отыщешь себя.

* * *

Жизни вечнозеленое древо
Там, где смерти желтеют листья.
Вижу: вечно влюбленная дева
Собирает их, словно цветы.

Осыпаются, кружатся листья.
Пламенеет огромный букет.
«Ветер, ветер, дружок, хватит злиться!» —
Прокричу я, а ветер в ответ

Только пуще качает деревья.
Листопад. А затем — снегопад.
Здравствуй, зимнее белое время,—
Тишины невесомый наряд.

Жизни вечнозеленое древо
В снежной роздыми гордо растет.
Вижу: вечно влюбленная дева,
Улыбаясь, по снегу идет.

Проведу осторожно смычком —
Запоет настоящая скрипка!
Словно чувствуя друга плечо,
Запоет тонкой стрункой несмело...
В мире музыки мало еще —
Я хочу, чтобы скрипка запела!

* * *

Бьют капли по мерзлomu снегу,
Настойчиво, медленно бьют,
И ясно: зимы больше нету,
Хоть ночью мороз еще лют,
И тучи готовы к набегу,
И город снегами сожгут.
Бьют капли, настойчиво бьют,
Колотят по мерзлomu снегу —
И птицы покинули юг,
Путь держат к родному ночлегу.

* * *

Не забыв
 о давней той примете,
Мать меня будила на рассвете.
Повторяла. Голос был певучим:
— Сын, вставай!
И первый луч поймай.
Если повернуть волшебный ключик —
Свет на землю хлынет через край.
Тонкий лучик —
Золотистый ключик.
Мамины заветные слова:
Новый день, конечно, будет лучше —
Ярче зелень,
Чище синева.
Будет день большим и многотрудным
И делами славными богат.
Да и мы в нем тоже лучше будем.
Новый день
Снянием объят!
Я встаю, как прежде, на рассвете.
Нет, не зря меня учила мать.
Хочется мне этот луч заметить
И руками бережно поймать.
Будет день хорошим и везучим.
Многое зависит от меня.
Тонкий лучик —
Золотистый ключик.
Открываю им ворота дня!

Муравей

Муравья легонечко поглажу.
Муравей привстанет возле пня,
И отложит он свою поклажу.
Долго-долго смотрит на меня...

Для него кем буду? Другом? Братом?
Мир перелопатить поровня,
Расщепляя на частицы атом,
Я не наступлю на муравья.

Не разворошу его владенья,
Незачем такое делать мне.
С шага первого, со дня творенья,
Он и я, мы — на своей Земле.

Караван

По сыпучим пескам брел в ночи караван.
Динь-динь-дон — колокольчик упал на бархан...
Караван...
Сквозь просторы времен караван:
Александра квадриги,
И черною мглой Чингисхан,
Белый конь и атласный шатер Тамерлана.
Вдалеке пыльный след каравана...

Динь-динь-дон —
Колокольчики тихо звенят.
Плач.
Смех.
Стон.
Неужели бредут наугад?
Как идти?
Где пути?
До колодца ли смогут дойти,
Иль верблюд упадет бездыханно...

А о чем у костров говорили отцы?
Караван обгоняя, спешили гонцы
От Мешхеда до Астархана.
Весть успели гонцы передать или нет?
Или в черных песках затерялся их след
В беспощадном огне саратана...

В бурдюках порыжелых кончалась вода.
Караван разметала лихая орда.
Как идти...
Где пути...
Погоди, понапрасну гадать не спеши,
Глаз орла у караванбаши —
Предводителя каравана.
Пьет кумыс... Днем он может вздремнуть.
Глядя в звездное небо он вычислит путь.

Почему ночь в песках долгожданна?
Зной слабеет... Прохлада. Покой.
И звучит звездный зов каравана:
Динь-динь-дон,
Динь-динь-дон —
День-деньской.
...Здесь в песках, говорят, бродит
ставший легендой верблюд.
Он бредет одиноко. Миражи над пустыней встают.
Ближе, ближе звучит колокольчика звон —
То верблюд — ищет, ищет верблюдицу он.
Динь-динь-дон...
Нет, погибнуть она не могла.
Плач.
Смех.
Стон.
Тает, тает песчаная мгла.
А она возникает и манит его. И потом
Исчезает за желтым пустынным холмом...
Средь песков все звучит колокольчика звон —
То верблюд — ищет, ищет верблюдицу он.

Вот звезда загорелась.
Ей имя — Зухра*.

* (древн.) — утренняя звезда, Венера.

Значит, ночь на исходе,
В дорогу пора.
Дни-дней-дон — колокольчки тихо звенят.
Бухара. А за ней — Самарканд.
Позади лисий хвост Кызылкумов
И дыханье кровавых самумов.
Караван
По отлогим речным берегам.
Вот уже у ворот городских караван.
У стены голубой Регистана
Был когда-то причал каравана.
Кто-то вез
 и ковры и шелка на базар,
Кто-то пел по дороге,
 настроив дутар,
Кто-топил мусаллас
 и лениво зевал,
Кто-то звезды
 в пути рассмотреть успевал.
Дни-дней-дон —
Слышно снова.

Эй, путник, куда?

И упрямо бредет караван сквозь года.

...А верблюдица Неба
Кормила детей-верблюжат.
Из тугого соска ее
Брызнула струйка горячая млечности.
Звезды — белые капли
Блестят на весу и дрожат...

Человечество!

Ты — караван в бесконечности.

Семь — вешее число.
И семь холмов
Я насчитал.
Семь каменных предгорий
У самаркандских бирюзовых стен.
И семь ветров
На голубом просторе
Чупан-аты.
Семь тысяч родников
Струится здесь.
Они питают корни
Семи благоухающих садов.
И мрамора Газгана семь цветов,
Как радуга весенняя во взоре.
В Ургуте семь чинар до облаков.
Бахмальских сладких яблок
Семь сортов.
Базаров семь,
Семь стройных куполов.
И в чайхане
Семь белых мудрецов
Семь истин мне откроют
В давнем споре,
Земной и звездной сути торжество.
О, Самарканд!
О мой счастливый город!
И потому и в радости, и в горе
Я жду благословенья твоего.

Легенда о Бибиханым

Зыбкие стены — как тающий дым...
Птицы парят над безоблачным куполом.
Юноша просит:

— Давай улетим!

— Нет, — отвечаешь ты взглядом испуганным.

Юноша пылок. Настойчив в мольбе:

— Любишь?

— Люблю. Вечной жадой томимая...

— Я смастерил и тебе и себе

Крылья волшебные эти, любимая!

Надо взобраться на минарет...

Там они. Мною надежно припрятаны, —

Юноша просит. Но страстное «нет»

Снова встает между ними преградой.

— Ты повелела — я стены сложил.

Так улыбнись же, о дивная женщина!

Был архитектор влюблен. Он спешил.

И на стене

обозначилась трещина...

После вторая...

Нарушился строй

Куполов, арок.

Карнизов плетение.

Будто злой Рок всемогущей рукой

Медленно тряс голубое строение.

Вмиг передаст зычный голос гонца

Весть о прибытии супруга из Индии.
— Что же ты сделал?

Не будет дворца...

Рушится то, что с тобой мы увидели!
Он ведь казнит тебя...

Ждет тебя смерть.

Юноша просит ее все неистовей:

— Вот минарет.

И должны мы успеть...

Ждут нас волшебные крылья
лучистые!

Зыбкие стены, как тающий дым,
Птицы парят над безоблачным куполом.

Ты не помчишься, царица, за ним —

Видишь, летит он

над чувством погубленным...

Нет возвращенья.

Зови не зови

Криком ли,

плачем ли,

эхом утроенным.

Вспомни легенду:

дворец их любви

Стал разрушаться еще недостроенным.

Напутствие

— Скажи мне, друг,
что взять с собой в дорогу?
— Чтоб легче было
двигаться в пути —
Щепотку соли,
хлеба взять немного,
И для друзей гостинцев припасти.
Душистый терпкий хлеб
посолишь круто —
Отведают друзья,
и с ними — сам.
И выберешь удобную минуту,
Раздашь гостинцы ты своим друзьям.
Но чтоб в пути,
идя, не оступиться,
Чтобы глаза тебя не подвели,
Чтобы в чужих краях не заблудиться —
Возьми в дорогу
горсть родной земли.

Жажда

Азня!
Давно хочу воспеть
Солнц твоих
 немеркнущую медь,
Рек твоих
 серебряную снть,
Золотые россыпи пустынь,
Самоцветы ласковых садов,
Бирюзу старинных городов...

Азня срединная моя!
Песня тополиная моя.

И листву,
 и камни,
 и ручьи —
Все
 произли жаркие лучи.
Ими с детства раннего
 палим,
Постигал
 простор твоих долин,
Чистоту
 звучанья родников,
Эллинскую лепку облаков...
Быстроту потоков и лавин,

Высоту заснеженных вершин,
Соль такыров и вспотевших спиц —
Эту жажду подарила ты.
Видел я иссохшие кусты.
Напрягаясь из последних сил,
Каждый куст о помощи просил.
На ветру кружились лепестки.
Подступали серые пески...

Жаждою великою томим,
Я спешил к оазисам твоим.
Как Фархад среди гранитных скал,
Я из камня искры высекал.
От Амударьи до Сырдарьи
Я поил водой поля твои.

Азия срединная моя!
Вечная,
Любимая моя,
Чьи глаза мелькнули предо мной,
Что пред ними саратан степной..
И пока скатилось десять лун,
Я в песках скитался, как Меджнун,
Жаждою великою томим,
Я влачился по следам твоим.
Слушал я, как шелестит листва,
Я искал заветные слова.
Слушал я, о чем поют сердца,
Чтоб тебе открыться до конца.

Азия срединная моя.
Нет, тебя не укоряю я.
Южная короткая весна —
К нам спешит
С тюльпанами она!
Протанцует ливень

Озорной,
И разогревает бубен —
Зной.

За целебный сок твоих плодов,
За прохладу утренних садов,
За цветы, за алую зарю —
Я за все тебя благодарю.

Азия срединная моя!
На лозе бессмертной бытия,
Ты — как будто зреющая гроздь,
Солнцем вся пронизана насквозь.
Я вернусь к тебе издалека,
Бьется пульс

все громче

у виска...

Степи, реки, гордые хребты.
Тропы каменистые круты —
Эту жажду подарила ты!

Эту жажду жить,
Искать,
Любить —
Никогда ее не утолить.

Горные тюльпаны

Когда отступают туманы
И зимние дни позади,
В горах расцветают тюльпаны,
Как отсветы красной зари.
Тюльпаны...
Тюльпаны багряны,
Тревожной полны красоты.
Тюльпаны,
Родные тюльпаны,
Вы — Памяти Вечной цветы!
Далекой поры легендарной
Мне виден отчетливо след:
Гражданской войны комиссары,
Сердец их негаснущий свет...
Алеют суровые склоны.
Здесь жаркие были бои.
И снова летят эскадроны,
Взметая знамена свои.
Сквозь пули военной метели,
Сквозь бури и грохот лавин —
К великой намеченной цели,
К сиянию высоких вершин!
Пойдем за крутым перевалом
Всю нежность простых лепестков...
Мы дарим любимым, желанным
Букеты заветных цветов.

Любые породы ломая,
Им надо взойти, расцвести, -
Чтоб мы их в ликующем мае
Могли по земле пронести!
Тюльпаны...
Тюльпаны багряны.
Тревожной полны красоты.
Тюльпаны...
Родные тюльпаны,
Вы — Памяти Вечной цветы!

* * *

Росла высокая трава
На глиняной пологой крыше.
Над нею только небо выше,
И облака, и синева!
Мир в детстве кажется огромным —
Бескрайней крыша та была,
И та трава — аэродромом,
И самолетиком — пчела.
Ветра громадные над ней
Гудели до начала мая,
Мой быстрый, мой бумажный змей
Над головою поднимая!

Гремела ярмарка ветров
Среди садов Багишамала,
Звения на тыщу голосов,
Шумела, пела и жужжала!
Держал я ниточку в руках,
Гордясь бумажным резвым змеем,
Но змей на радость ротозеям
Застрял случайно в проводах...
Змей провисал меж проводов,
Охватывала сердце жалость...
Но в Самарканде продолжалась,
Гудела ярмарка ветров!
И вновь летел бумажный змей,

Пресмник яростного змея,
На всю катушку, все смелей,
Меж проводов скользнуть умея!

Осталась крыша далеко.
И вдалеке трава большая.
Большие ветры высоко...
Мальчишек всех материков
Зову в свой город,
Приглашаю
Друзей на ярмарку ветров!

* * *

По ночам
ближе к дому
казался вокзал
И мальчишку
гудками протяжными звал.
Я бежал
вдоль перрона под грохот колес,
Прыгал в поезд летящий,
и он меня вез
В страны дальние,
те, что открыл мне Гайдар.
Те, которые в детстве
я все ж повидал!
Сколько раз
увозили меня поезда.
Загоралась
над крышей вагона звезда.
Засыпал.
Но гудками зовя и маня,
Поезда,
поезда увозили меня.
И поныне я слышу
вокзала гудки.
Но в ночи
они так далеки,
далеки...

Тысячелетняя чинара

Стена восточного базара.
Лотки.

Навесы.

Чайхана.

Тысячелетняя чинара
Стоит, как бы отрешена.
Что ей до всякого товара:
Ковров,

ляганов

и сукна,

Различной снеди

и вина —

Все это видела она.

Тысячелетняя чинара
Болела тридцать с лишним лет.
Желтела.

На ветру стонала...

И вот болезнь сошла на нет.
Болезнь ее не dokonала.

Точивший тщетно сердцевину,
Изъевший ствол наполовину,
Червь умер.

И она чуть свет
Рождает новые побеги,

Которые в грядущем веке
Передадут от нас привет.
Стена восточного базара.
Карная смех
 и плач дутара.
Попарно сдвинуты столы.
Чайханщик,
 разомлев от жара
Задымленного самовара,
Пьет крепкий чай из пиалы.
И сахар-парварда белеет.
Пьет чай старик
 и пуще млеет.
А чай действительно хорош.
Шумит базар
 И не скудеет:
Что пожелаешь —
 то найдешь.
На площади барашек блеет.
И бороды усердно бреет
Кудрявый парень-сартарош!

Стена восточного базара.
Час предвечерний.
 Тишина.
Тысячелетняя чинара.
Стоит она
 совсем одна.
Темнеет.
 Стихли разговоры.
Ушли чайханщик и скорняк.
И засыпает целый город
Блаженно на ее корнях.

Воспоминание об отчем доме

Наш старый дом
Снесен давным-давно.
На месте дома
Новые строения.
Он где-то здесь,
Среди травы забвенья.
Вхожу в него —
А в комнатах темно.
Тянусь рукой,
Включить пытаюсь свет.
На ощупь ощущаю
Все предметы.
Вот мой портфельчик
Вытащен из Леты
И тонкие тетрадки
Школьных лет.
Вот довоенный,
Грузный патефон
От дяди моего.
Он был наркомом,
И премирован
Этим патефоном
Рабочими Апрелевского он.
Найду пластинку,
Ручку крутану —
И музыка шальная

Заиграет.
И чей-то голос
Снова повторяет
Про первое свиданье,
Про весну...
Наш старый дом
Снесен давным-давно,
На месте дома
Новые строения.
Вхожу в него.
И не сдержать волненья,
Когда найду
И отворю окно.
На подоконник сяду лишь —
И вот
Зажмурюсь
От нахлынувшего света.
Багишамал —
Сад Северного ветра
Прохладою
Предутренней дохнет.
Сад оживет.
И всколыхнутся ветки.
И в отдаленье
Птица запоет!
Что за окном?
Январь иль месяц май?..
Промчатся бы
С друзьями по тропинкам.
На улице
По рельсам-невидимкам
Вдруг гроыхнет
Исчезнувший трамвай.
Послушаю
И вспомню невзначай:
Теперь трамвай

По улицам не мчится...
Других машин
Мелькает вереница,
Из детства мне
Друзья кричат:
— Давай,
Беги сюда.
Ну, что ты, в самом деле?
В саду огромном яблоки спели.
В саду июль,
Не повторится май.
Наш старый дом
Снесен давным-давно.
На месте дома
Новые строения.
Но мною
Незабытые деревья
Стучатся по ночам
В мое окно.
Известкой пахнет
Теплая стена...
Пол деревянный —
Ароматной краской...
Мир детства,
Беспокойный и прекрасный!

То — шум дождя,
То сразу — тишина...

* * *

Футбол, чему ты учишь,
Входя во все дворы?
Готов принять как участь
Закон твоей игры.

Ты наступать нас учишь,
Бороться,
Побеждать!
Бывает — ноль получишь,
Плотнее губы сжать...
Ободраны коленки,
Ты учишь нас не ныть.
И так стоять —
Чтоб стенки
Никто не смог пробить!

И ты
Нам за упорство,
За смелость у ворот,
За дух противоборства
Дашь
Сто очков вперед!
Быть честными
ты учишь,
Как пасы ни хитры...
Готов принять как участь

Закон твоей игры!
Сдержаться себя не волеи,
Когда, чуть-чуть звеня,
Летит над ровным полем
Мяч круглый, как Земля!

Старый садовод

За окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвел урюк.

Хамид Алимджан

Февраль с капризами погоды.
Я слушаю.

Занятно мне.

Сосед — старик седобородый
Рассказывает в чайхане
О том, что потемнело небо
Не зря.

И ночью снег пойдет.

А утром будет вдоволь снега
И снова чистым небосвод.
Но стоит небу проясниться,
Чабан-ветрище с горных круч
Опять пригонит вереницу
Голодных, отощавших туч.
День дальше будет тих и светел.
Среда. Четверг.

И... потекло.

А в пятницу проснутся ветви,
И сад начнет копить тепло.
Мороз трескуч, но солнце бойче.
Уж почки шепчутся вокруг.
Пройдет еще дней семь, не больше,—
И расцветет в садах урюк!
Я слушаю.

И как-то странно
Внимать такому. Просто смех.

Погода так непостоянна:
То дождь, то снег.
То дождь, то снег...
— Точить кетмень.

Садить рассаду,—
Твердит старик,— пришла пора.
Кивают остальные. Надо.
Плывет по кругу пиала.
Смешные дедовы приметы!
Да за окном еще зима.
Гляжу:

заколесили ветры —
И у зимы пуста сума.
А утром — облаков сиянье
И туча тощая плывет...
Все, как сказал старик-дехканин,
Простой дехканин-садовод.

Все было в точь, как он заметил,
Чулье его не подвело.
День воцарился тих и светел.
Среда. Четверг.

И... потекло!
Случилось так на самом деле:
Был снег. Капли перестук.
Прошло чуть более недели —
И сад в цвету. Расцвел урюк!

* * *

Язык всегда велик
И в то же время прост:
Стук сердца. Птичий крик.
Шум листьев. Шепот звезд.

Реки ночная гладь.
И рокот волн в пути.
Легко его понять,
Трудней перевести.

Для пряжи словно нить,
Для жаждущих — родник...
Он может кровь пролить,
Став тронем для владык.

Он может обогреть
Теплом в любую стынь.
Он может умереть,
Как звучная латынь.

* * *

«Земля людей» — сказал Экзюпери,
Людей хороших,
 добрых,
 настоящих.

А разве мало их на всей Земле?
Ее мы в шутку называем — мячик...
О случае одном я расскажу.
Однажды (это было в пятом классе)
На перемену прозвенел звонок.
Я был дежурным.

 И огромный глобус
Уже собрался вынести из класса,
Как вдруг меня ребята сбили с ног.
Я глобус уронил, и тут мальчишки
С ним, как с мячом, решили поиграть.
Один удар — и глобус покатился,
И между парт все бросились бегом.
Ботинками, коленками, руками
Озорники лупили сгоряча,
Америку и Африку пинали,
Европа полетела, как свеча!
Я бросился за глобусом, поверьте!
Не чувствуя ударов и пинков —
Я был дежурный. Был за все в ответе,
Но глобус укатился далеко.
Трещал по швам и разрывался глобус.

и все-таки я выхватил его.
В учительскую комнату отнес.
Подклеил кое-где матерки,
Соединил полоской океаны —
Его на шкаф поставил осторожно
И не сказал куратору ни слова...
Случилось это двадцать лет назад.
Сегодня
Я — дежурный по планете.
И солнце поднимается в зенит,
И люди от него лица не прячут,
И слышно,
Как, похожая на мячик,
Земля,
Подпрыгивая,
Чуть звенит...

* * *

В тебя я верю, Век.
И ты не как-нибудь,
Пройдя как Человек,
Закончишь этот путь.

Да, ты солдатом был.
И шел в сражение ты.
Но в сердце не убил
Надежды и мечты.

Огонь в руке одной,
В другой руке — цветок...
Мой Век, товарищ мой,
Ты сделал все, что мог.

Не дрогнувший в борьбе
С насилием и тьмой.
И памятник тебе —
Спасенный шар земной.

Хашар

Возрожденный Ташкент будет вечно стоять,
как величавый монумент, олицетворяющий дружбу советских народов.

Ш. Р. Рашидов

Старинное слово хашар
И необходимое очень.
Хашар — это щедрость и жар
Сердец и ладоней рабочих.

— Хашар! — раздается кругом.
К соседу сосед спешает.
Стихия разрушила дом —
Соседу сосед помогает.

Один ставит стены — хашар!
Другой стелит новую крышу.
Хашар! — это слово земшар
С особенной радостью слышит.

Пускай я живу на одном,
А ты — на другом континенте.
Соседи мы. Рядом живем
На солнечной нагчей планете!

— Хашар! — раздается. — Хашар! —
Когда до отчаянья туго.
Хашар — и на помощь спешат,
И люди находят друг друга.

А где-то бушует пожар.
То засуха, то наводнение...
Пора бы Всемирный хашар
Устроить и без промедленья.

Хашар — молодая душа.
Высокая мудрость народа,
Старинное слово хашар,
Понятное без перевода.

Слиток хлеба

Хлеб, лежащий на дороге.
Так,
Случайно уронили.
Улица. Мелькают ноги,
Двигутся автомобили.
Для кого-то старомодно
Это выглядит, нелепо,
Даже как-то неудобно
Подобрать кусочек хлеба.
На дороге многолюдно.
Корку хлеба уронили.
В тесноте
Заметить трудно.
Хлеб почти смешался с пылью.
Мы привыкли,
Скажем прямо,
Брать ржаной или подовый,
Измеряя не на граммы —
На буханки,
На батоны.
А порой не подвигтесь,
Видя это, как надменно
Торжествующая сытость
Тычет вилкой в тело хлеба.
Мы богаты. Понимаю.

Хлеб упавший поднимаю.
Вспоминаю хлеб священный —
Черный хлеб зимы военной.
Помню, очередь стояла
От ларька и до вокзала...
Старомоден, понимаю,
Хлеб упавший поднимаю.
Золотистые крупницы
Пусть клюют с ладоней птицы.
Город выше и огромней:
Улиц гулкие орбиты...

Положу на подоконник
Хлеба потемневший слиток.

Дикая яблоня

Дикая яблоня
В нашем саду,
Помню, когда-то росла...
Мы обходили ее,
Пацаны —
Больно колюча и зла.
Ветви грубы,
Узловаты, остры.
Невелики,
Горьковаты плоды.
Яблоня
Послевоенной поры.
Осиротело
Шумели сады...
То ли садовник
Привить позабыл,
Вспомнил,
Когда на войну уходил,
Думал:
«Привью
В час победной
Весны».
Да не вернулся садовник
С войны...
Дикая яблоня
В нашем саду

В майское утро
Цвела,
Пряча стыдливо
Колючки свои,
Словно кого-то ждала...
Так и стояла,
Не зная любви,
Яблоня эта
С горчинкой в крови.
Вишни-красавицы
Рядышком в ряд,
Бел и пушист
Их весенний наряд.
Новый садовник,
Совсем молодой,
Дикую яблоню
Тронул рукой
И укололся.
«К чему здесь она?
Вот ведь цветет,
Недобра и темна».

Долго садовник
Пилюю пилил.
Много зубцов у пилы
Обломил,
Клял
Незавидное дело свое,—
До сердцевины
Добрался ее —
И, расцветавшая
В дикой красе,
Рухнула яблоня.
Охнули все.
Ветви дымилась

В горячем бреду...
Эта история,
Вроде проста.

Дикая яблоня
В нашем саду,
Помню, когда-то росла.

* * *

Поэзия — ты не урок,
 тем более — чистописанья.
Поэзия — способ спасенья. Спасанья!
Холодное утро.
Тропинка под кленами.
Школа.
Тот самый урок. От него
 аж сердечко колело.
Раскрыта тетрадка моя.
 Хохот целого класса.
У всех на виду
 преогромная клякса.
И только учительница
 Антонина Петровна
Как взрослому — мне:
 — Вы неправильно пишете.
 Ровно.
Возьмите перо
 и пишите с наклоном.
Я слушал ее
 и краснел безобразно, как клоун.
И слезы мои превращались
 в отменные кляксы,
И жирные двойки
 гуляли в тетради, как таксы.

И дома, у крана,
я был совершенно не в силах
Отмыть свои руки
в кошмарных лиловых чернилах.
Лишь к вечеру
милая добрая мама
Хозяйственным мылом
ладони мои отмывала.
В тетради — ни кляксы
и каждая буква — святая.
Ведь завтра —
урок у нас
Чистописанья!
Пусть трудно — но надо писать
так прилежно и чисто...
Как в школу бежать по утрам
и учиться!

Музыка

Военный год. Багишамал.
Три остановки до вокзала.
Закат над городом пылал,
Войны дыханье обжигало...

За поворотом старый дом,
Темневший окнами сурово.
В нем жили дети, в доме том,
Из Ленинграда и Ростова.

Встречали их среди зимы,
Речей парадных не звучало.
Мальчишки лет шести-семи
Шли, словно взрослые, устало.

Легко обуты и худы.
Они ступали еле-еле.
Следы и отсветы беды
В глазах запавших не тускнели.

Оркестр на улице играл
При встрече. С самого начала
Звучал «Интернационал»,
И музыка соединяла,

Даря могучее родство,
Что было истинно и свято.
И, смутно чувствуя его,
Входили в комнаты ребята...

Стояли робко у стола,
Толпились люди за калиткой...
И хлеб, что женщина внесла,
Был частью Музыки Великой.

Беатриче

Взрослею.
Мне шестнадцать лет.
Я долговязый, сильный.
А у меня велосипед
Чертовски синий-синий!
Заветный —
Гоночный почти,
Все понимает вроде,
С ним хоть бранись,
С ним хоть шути,
Он добрый по природе.
А на ухабы не глядит
И прыгает отважно,
И с горки молнией летит,
И мне с таким не страшно!

Жму на педали,
Встав чуть свет,
Пью воздух свежий,
Стылый.
Кричу тебе:
— Физкультпривет!
Девчонке горделивой.
Гарцюю около ворот:
— Желаеть прокатиться?
Велосипед согласия ждет

До боли в пояснице.
Как Беатриче, смущена,
Сядишься на багажник,—
Соседка видит из окна
И матери расскажет.

А мы не ведаем о том,
Как славно жить на свете
И с горки весело вдвоем
На синей молнии верхом
Врезаться в свежий ветер!

Но так уж было суждено
В горчайший час
Ненастный —
Ты не пошла со мной в кино,
Ты не пришла однажды...

Кружил я у ворот в мольбе
Три дня или четыре.
Но строго-настрого тебе
Кататься запретили.

Не мчаться нам по мостовым,
Забуть о прошлом лете...
А встретимся — поговорим
Без лишних междометий.

Ты скажешь мне, мол, тетка зла
И я, мол, не отличник...
Ты умерла, ты умерла
Когда-то, Беатриче.

Я буду мчать — за кругом круг —
И не жалеть усилий.

Велосипед — мой верный друг,
Послушный мой Вергилий.

Я с ним на улицах грущу,
Не сплю, хоть вечер поздний.
Тебя ищу, тебя ищу
В бескрайней преисподней.

Навстречу мне грузовики,
Машины легковые
Дают протяжные гудки,
Ругают постовые!

А за орешинной — твой дом,
Суровый,
Двухэтажный.
И где ты, за каким окном,
Теперь не так уж важно.

И не поймет Велосипед —
Послушный мой Вергилий,
Зачем родители тебе
Кататься запретили...

Ты — среди множества Тепей,
Тебя я презираю...
— Забудь о Ней,
Забудь о Ней! —
Я другу повторяю.

А мне в ответ
Велосипед:
«Зачем беду ты кличешь?
Ты от нее бежишь... Нет-нет,
Ее везде ты ищешь».

Ему захочется опять
Тебя случайно встретить.
Эмалью синей просиять,
Звонком тебя приветить.

По ближним улочкам кружу...
А за проспектом — взрослость.
Как рубикон, перехожу
Свой переходный возраст.

Мне было жаль велосипед
(Переживет едва ли) —
Погас его небесный цвет,
И сломан руль, и спиц как нет,
И нет одной педали...

Недомогал шальной дружок
В дождливую ту осень.
Я записался в драмкружок,
Велосипед забросил.

Слетает синяя эмаль,
Велосипед ржавеет...
Что ты ушла
Куда-то вдаль,
Он все еще не верит.

Гончары

Пять столетий назад
Возле этих чинар
Жил гончар.
Его звали: Навруз-косагар
Молчалив и угрюм,
Полон дремлющих сил,
Брал он вязкую глину
И долго месил,
Форму ей придавая
На круге своем,
Чашу он обжигал
Лучезарным огнем.

Из хумдана — печи
Вырывался огонь,
Словно дикий степной
Необузданный конь.
Но его укрощала
Навруза рука.
Получалась посуда.
Груба и крепка.
Арбакеша,
Ткачи —
Люд простой
Городской

Ел охотно и пил
Из посуды такой.

И хвалили ее,
Тут же били ее,
Как и всё на земле —
Таково бытие.
Сколько тут не идти
Вдоль бегущей реки,
На ее берегах
Черепки, черепки...
Из хумдана — печи
Вырывался огонь.
И ласкала
Горячую чашу
Ладонь.
Но однажды
Почуял Навруз-косагар,
Что не сможет поехать
На шумный базар.
Стала глина на ощупь
Совсем холодна
И застыла
На круге гончарном она...
Но в горящей печи
Не погасли лучи —
И Навруза сменил
Сын — Ахмад-ляганчи.
Сколько было потом
В том роду гончаров,
Сколько звездных
Сияло над ним вечеров.
Был Хайдар знаменит.
Был известен Джура.
Старики еще помнят
Того гончара.

Вдоль дороги чинары.
Струится вода.
Та стена и калитка.
Вхожу я сюда...
Помню, здесь я
Мальчишкой нередко бывал.
Мне свистульки из глины
Гончар вылеплял.
Помню, как у хумдана
Грустил Умаркул,
Говоря: «Стар я стал,
Высох, как саксаул...
Кто достанет
Кувшины мои из огня...
Было, было три сына
Всего у меня...
Первый сын не вернулся,
Погиб на войне,
Искрой малою став
В этом вечном огне...
Сын второй, он — ученый,
Наук кандидат.
Третий — в школе директор,
Наставник ребят.

Вот уйду.

И гончарный рассыплется круг...—
Молвит он.
А из дома торопится внук.
Подойдет.
И арычную глину берет.
Бьет по ней
И руками проворными мнет.
На кувшине
Волнующих линий игра —
Не умрет,

Продолжается род гончара.
Над хумданом
Огнем
Разгорайся, заря,
Вечно
Кругом гончарным
Вращайся, Земля!

РУҚИ МАТЕРИ

5 Р. Фарҳадн

Руки матери

Руки мамины белы —
Мама, мама молодая!
Из военной дымной мглы
Вышла,
Нас приподнимая.

Поднимала выше круч
И считала — это мало.
Поднимала выше туч,
Прямо к солнцу поднимала.

С фронта мать ждала вестей,
Наклонясь у колыбели.
И, видать, с тех самых дней
Руки мамины темнели...

Эти руки все умели:
Делать десять дел подряд.
Раньше руки не болели,
А теперь они болят...

Эти руки все умели...
День-деньской творя добро,
Руки мамы потемнели,
Как темнеет серебро.

Постоянно вспоминаю
Детство. Городок старинный.
Льется музыка простая,
Звуки песни тополиной.

Возникают предо мною
Тополя в садах зеленых.
Белый тополь над рекою.
Тополя на горных склонах.

Лишь листву заденет ветер
После гроз и вешних ливней,
Снова слышу на рассвете
Звуки песни тополиной.

Мама тихо напевает.
А мотив певучий, длинный...
Голубое утро мая.
Зарафшанская долина.

Протянулась даль такая,—
Но звучит во мне поныне
Эта музыка простая.
Звуки песни тополиной.

Пятидесятые года

Сороковые — роковые..

Давид Самойлов

Пятидесятые года —
Повсюду талая вода.
А мы кораблики пускаем.
Свежает ветер. Плыть пора им!
Шагаем на урок труда.
Лукич — учитель однорукый,
Рукав пустой заправив в брюки,
Рассказывает про войну:
Был в окруженье, был в плену,
Но все же вырвался из плена.

Стучится в дверь вторая смена.
А мы все слушаем его.
И знаем: наш учитель — во!
С ним делимся мы откровенно
Своими тайнами порой...
Он — и учитель, и герой!
О, незабвенная минута:
Бегу, крича, по мостовой,
Огни вечернего салюта...
С. дерево радости людской!

Пятидесятые года —
Повсюду талая вода.
А мы глаголы повторяем.
Схлопочем двойку — не беда!

На матч футбольный удираем
И в переполненном трамвае
Мы едем «зайцами» всегда!
А возле школы музыкальной
Мотив торжественно-печальный
Невольно сердце ворожил...
В один из дней чудесных, вешних,
В наш яркий, новенький скворешник
Скворец влетал, как старожил!

Пятидесятые года —
Повсюду талая вода.
А мы кораблики пускаем.
Жив Авель и смеется Каин...
Мы все еще мальчишки. Да.
И далеко еще, когда
Непоправимое случится...
Еще мальчишки мы пока,
Белы, как парус, облака.
И день — крылатый, словно птица!
И лишь в реке темна водица...

Пятидесятые года —
Повсюду талая вода!

Мать писем от сына все ждет.
Как ночью, в ненастье рассвета,
Хоть редко письмо, но придет,
Спасибо сынку и за это.

Сыновье письмо-то всего —
Листок, а порой, пол-листочка,
Возьмет она в руки его,
Как раньше младенца-сыночка.

Присядет. И станет читать;
Как будто баюкать весь вечер.
Склонится усталая мать,
И сердцу немного полегче.

Закат догорит за рекой.
Длиннее становятся ночи...
А сын далеко-далеко,
А письма короче, короче.

Лишь провода замкнутся ветром,
Погаснет свет.
На ощупь в мраке кабинетном
Ищу свечу.
Здесь, где-то здесь ее огарок.
Нашел. Зажег.
Как непривычно свет неярк!
Горит свеча.
Сильнее напрягаю зренье
И вижу я
На полках, словно в отдаленье,
Заглавья книг.
Обложки их из бычьей кожи.
Они темны.
А за столом старинным кто же?
Он мне знаком.
То Батюшков. Нет, юный Пушкин!
Да, это он.
Кудряв. И взор к перу опущен...
Пылай, свеча.
Гори в руке моей, не гасни.
Дай мне прочесть
Тот стих неясный и прекрасный,
Что к нам спешит,
Строкою прерывая время...
Но тут свеча

Дорога

Памяти Феликса Овчаренко

Вокзал. Перрон. Вокруг опять
Цветы. Улыбки. Смех.
Пришли сюда не провожать,
А лишь встречают всех.

Мне кто-то машет из окна,
И кто-то руку жмет,
И шутка чья-то солона,
И речи словно мед.

Стою и улыбаюсь я,
Машу рукой вослед.
И улыбаются друзья,
Разлуки в мире нет.

Гитара правильно поет:
«Пиши. Прощай. Прости»...
А поезд убыстряет ход,
Друзья — уже в пути.

Вагонам долго грохотать.
И мчаться без помех...
В сторонке тихо плачет Мать
И провожает всех.

Материнская память

Поэма-быль

— Сколько матери?
— Девяносто лет.
Жизни нет уже,
Но и смерти нет.

Пламя белое.
Черный камень плит.
Сына ждет она.
У огня стоит.

Прядь седых волос
Вьется на ветру...
Говорит она:
— Не дождусь, умру.

Годы-волны мчат.
Камни здесь молчат.
— Где ты, мой сынок?
Удалой солдат.

Запылал закат
И вдали погас.
Скорбной матери
Слушаю рассказ.

На ее плечах —
Ночь, как будто шаль.

А в ее глазах —
Вековая даль...

Вот над зыбкою
Песнь поет она.
А в окне — луна.
Да шумит сосна.

Колыбельная,
Колыбельная —
Не шуми, сосна
Корабельная!

— Первой дочь была.
А вторым был сын.
Дочь — помощница.
Гордость он один.

Муж в тридцатом пал
От кулацких пуль...
Сын — лицом в отца.
Воспитать смогу ль?

Кончил школу сын.
Час войны настал.
Каково ему, —
Коль горит металл.

Там и тут война...
Где сынок теперь...
Тишина страшна.
И не скрипнет дверь...

Сын всего один.
Похоронок — три.
— Так-то... — скажет мать. —
Ну-ка, посмотри.

Это первая.
В ней лихим пером:
Мол, погиб ваш сын
В битве под Днестром.

— Получила я
То письмо зимой.
А весной пришло
От сынка письмо:

«Мама, я — живой!
Вышел из огня.
Я вернусь домой.
Мама, жди меня!»

А война была,
Ох, огромная.
Вслед вторая шла
Похоронная.

Похоронка вот:
Сорок третий год.
Ей не верила.
Вновь письмо придет.
Двести дней прошло.

Отозвался сын.
«Мама, я живой!
Будем брать Берлин».

Гордо шла тогда
Улицей села.
Говорила всем:
«Я права была —
Я не зря ждала!..»

Ах, лихая весть...
Как тебя извести?
Чья ты злая месть,
Ах, лихая весть...

Заслонила день
Птица темная —
Следом третья шла
Похоронная.

Пожелтел листок.
Руки все ожег.
Мать ждала и ждет,
Что придет сынок.

Долго плакала.
Больше нету слез,
Вот последнюю
Ветер в степь унес.

Укоряла дочь:
— Перестань-то ждать.
Не терзайся, мать.
Дом починит зять.

Похоронки три.
Сын всего один.
Из окна глядит:
Не идет ли сын?

Фотография
В рамке у трюмо.
«Отзовись, сынок,
Напиши письмо...»

Запылал закат
И во мгле погас...

Скорбной матери
Слушаю рассказ.

Все ей кажется,
Что идет война.
Сына ждет она.
Сына ждет она...

В доме тишина.
И не скрипнет дверь.
Только сердце ей:
«Сын вернется, верь».

Сколько лет ждала.
Снова будет ждать.
Не устанет ждать.
Потому что — Мать.

Кем была она?
Просто матерью.
Стала женщина
Вечной Памятью.

Торопятся куда-то облака.
Они светлы. Походка их легка.

Вперегонки бросаются гурьбой.
С утра веселой заняты игрой.

И к ним невольно тянется рука...
Резвясь, бегут по небу облака.

Но ветер с гор прохладой дохнет,
И потемнеет синий небосвод,

И облаков сомкнется тесный строй,
И тучи проплывают чередой.

Идут дожди. Метелица метет.
Дней и ночей бурлит круговорот.

А где они, бывшие облака?
Они уже — гудящая река.

Они — на листьях чистая роса.
Они — твоя блеснувшая слеза.

Они в огне и рокоте турбин.
В цветении и гомоне долин.

Дорога их трудна и далека.
Приходит час, взрослеют облака.

Музыкальная школа

Нет слуха у меня.
Был приговор жесток:
Из класса — в коридор
И дальше — за порог.
Я уходил из школы музыкальной,
А музыка лилась из каждого окна...
Торжественный мотив
Иль сдержанно печальный,
То громкий рык трубы,
То слабая струна.
А музыка лилась из каждого окна...
Я брел по мостовой, и шла за мной она.
На площади и в парке,
Возле дома,
Среди ночных деревьев и в звездной вышине
Она была вокруг,
И сердце жгла истома.
Она была во всем.
Она была во мне.
Звенела тишина в распахнутом окне,
И солнца луч звучал,
Скользкий по стене,
И ветер трогал струны ломких веток.
Звучал прозрачный свет.
Звучала мгла.
Тогда я взял перо и написал об этом —
И родилась строка...
И музыка была!

Черепки

Обломки очага с золой,
Глазурь, светящая не резко...
Но для ученых поздний слой
Не представляет интереса.

На стройке вырыт котлован,
Трещит бульдозер неустанно.
И за машиной тут и там
Мелькают туфли мальчугана.

Берет он черепки со дна —
Пестра им собранная груда.
Кому она теперь нужна,
Давно разбитая посуда...

С узором редким пиала
Расколота наполовину,
А утешением была
И деду, и отцу, и сыну.

А эта чаша! И когда
Жара стояла месяц кряду,
В ней родниковая вода
Хранила прежнюю прохладу.

Осколок синий. Знойным днем
Застыл над ним мальчишка немо.

И удивился: ясно в нем
Дрожало пойманное небо.

Создавший тот предмет гончар,
В камерке на гончарном круге,
Сам испугался этих чар
И блюдо выронил в испуге...

Куски разбитого горшка.
И тонкой вязью надпись эта —
Конец молитвы иль строка
Из уст бродячего поэта...

Что черепки — они игра,
Мазки лучистые на камне.
Мальчишка бегаёт с утра,
Склоняется над черепками.

Пройдут года. Но не умрет,
Что истинно и вдохновенно.
Мальчишка вырастет, поймет,
И чудо вытащит из тлена.

* * *

Бросили в реку меня и сказали: «Плыви!»
Плакал в обиде, кричал, о жестокость людская,
Понял позднее, она — от добра, от любви,
Понял, постиг,
Книгу Жизни упорно листая

Если жестокость — тяжелое, злое ядро,
Если лучи его гибель несут, ослепляют,—
Добрые руки повсюду находят добро,
Даже жестокость они на добро расщепляют.

Песня матери

Будет петь колыбельную Мать,
Будет ласково что-то шептать,
На старинном степном языке,
Повторяя в счастливой тоске:
— Спи, малыш,
Ты не спишь
Отчего?
— Мама, мама, а если во сне
Страшный сон вновь увидится мне?
Страшный сон...
Так боюсь я его!
Мать рукою взмахнет раз-другой,
Прикоснется легонько рукой,
А рука так светла и тепла...
— Засыпай, верблюжонок ты мой,
Страшный сон я сейчас прогнала!
Спит малыш. Безмятежно он спит...
Мать над ним изваяньем стоит.
А вокруг спят сады и поля.
Чутко спят у дорог тополя.
Спит камыш. И уснул ветерок.
И мигнул, задремав, огонек...
Люди спят. И тревожны их сны.
Людям снятся дороги войны.
Снится им одиночества стынь,
Снятся жгучие ветры пустынь...

Мать, верни поскорее покой,
Над планетой склонись голубой.
Мать — хранительница тишины,
Притуши осторожно огни...
Человечества страшные сны
Прогони, прогони, прогони.

* * *

Издравле человек
Селился возле рек.

Жив человек, пока
Жива его река,
Течет, волной играя.
Светла и глубока
Река моя родная.
Далек
Ее исток.
И путь ее далек.
Бурлива среди гор.
Стремится на простор.
А там —
Совсем иная:
Певуча, широка,
Могучая река,
Степенная,
Степная.
Жестокая беда,
Когда мелеют реки.
Мутна в реке вода —
Полузакрыты веки.

Пустеют берега,
Когда мертва река.

Течет река едва,
Переставая литься.
Пожухлая трава,
В реке темнеют
 листья...

Пока
Твой длится век —
Внемли
Теченью рек.

* * *

Какой язык,
 скажите,
 мне родной?
Тот ли шуршащий,
 ласковый,
 степной,
Знакомый с детства,
Сочный, словно дыни,
Палящий, как дыхание пустыни,
Сверкающий,
Звенящий нежным лалом,
В горах грозящий яростным обвалом...
Иль тот язык,—
Его слова простые
Беру из росных трав,
Слова босые.
Слова осин,
 светлеющих берез,
Землю теплой пахнувших борозд.
Слова — леса,
 медлительные реки,
Как если прошептать:
 Люблю...
 Навеки...
Язык — гроза живительная,
 мудрость,

Простор полей под снегом,
Синева,
Язык — ему дана отныне участь
Рождать для мира
Новые слова!..

Тот бесшабашный,
гусельный,
шальной —
Какой язык,
скажите,
мне родной,
Рожденному
сближеньем двух людей,
Двух языков,
двух родственных кровей?!

Ребенок лепит, лепит
Зверят из пластилина.
Его приводит в трепет
Цветная эта глина.

Ребенок лепит, лепит
Самозабвенно, страстно.
И глина вдруг теплеет...
Она ему подвластна!

Ребенок лепит, лепит...
Вот волк, а вот — лисица.
А это — белый лебедь
Или другая птица.

Ребенок лепит, лепит —
Глаза полны сиянья.
Сквозь детский этот лепет —
Высокий дух познания.

* * *

В песках находят иногда
Потерянные города.
Дворцы неведомых времен.
Обломки мраморных колонн.
Гончарный круг. И черепки
Вдоль устья высохшей реки.
На фресках — дивные цветы.
И лица редкой красоты.
В подвалах, словно чей-то стон,
Монет неосторожный звон.
Вино в кувшинах и зерно.
Окаменевшее давно.
Истлевшие страницы книг...
Какой их страшный рок настиг?
Вдоль устья высохшей реки,
О чем в ночи поют пески...

Анна Ахматова

Свое бормотали арыки...

Заторопилась уехать...
Город мелькнул, словно миг:
Узенькой улочки ветхость,
Чистый, как детство, арык.

Долгие сороковые.
Город грозою дышал.
Люди. Улыбки скупые.
Линия фронта — вокзал.

После она вспоминала
Смуглые лица людей,
Ветви живучего тала,
Неугомон площадей.

Дома, в родном Ленинграде,
В памяти снова возник
Город в рассветной прохладе,
Шустрый мальчишка-арык.

Так ли, как прежде, он мчится —
Солнечный луч на волне?
Так ли чиста в нем водица —
Камешек виден на дне...

Помнила, не позабыла
Полдня азийского жар.
В зной укрывала, манила
Сень величавых чинар.

Знала, что город поднялся.
Строен. Красив. Многолик.
Верила, не затерялся
В новых кварталах арык.

Быстрые автомобили
На поворотах крутых,
Только бы не замутили
Самую суть чистоты.

Щедро придуманный кем-то,
Звонкий певун, озорник,
Вдоль тротуаров Ташкента
Мчится мальчишқа-арык!

* * *

Саласпилс. Сосны. Румбульский лес.

Вечная тишина...

Я знаю: каждое дерево здесь

Натянута, как струна..

Коснешься — дерево зазвучит,

Застонет в твоих руках.

И лес аукнется, закричит

На всех людских языках:

«Мы жили

в различных

краях Земли.

Дышать,

смеяться

и петь,

Мечтать и любить,

Удивляться могли,

Но страшной была наша смерть.

Нас изверги заживо погребли,

Нам глиной забили рты...

Мы стали деревьями,

Мы проросли,

Мы вырвались из темноты!...»

А эта сосна —

тянет ветви свои,

Как будто кого-то зовет...

Ей слышатся давних дней соловьи,

Виден дальний восход.
А это деревце не оторвать
От старой скорбной сосны...
А это —

младенца баюкает мать

При свете полной луны...

В лесу тишина.

В лесу тишина.

В лесу тишина навек...

В этом лесу,

где любая сосна —

Дерево и Человек.

А сколько
Осколков
Таится поныне в земле...
Ей больно —
Но только
Земля не застонет во мгле.
Когда к непогоде
Отчаянно раны
Болят,
Когда ветераны
Почти до рассвета
Не спят.
Земля не застонет —
Сражений далеких поля.
На теплых ладонях
Уснули в тиши
Тополя.
Все боли осилит.
Щедра
И надежды полна.
Зовется Россией,
Зовется Отчиной она.
Снега отметая,
Быть стойкими
Властно веля,
Встает, расцветая,
Бессмертная
Наша земля!

Поэт и горизонт

Памяти Михаила Светлова

Жил да был
В государстве бессонном,
Молчалив
И немного суров,
Человек.
Он дружил с горизонтом.
Его звали
Товарищ Светлов.
Это трудная штука,
Куда там,
С горизонтом дружить
Нелегко.
Вы представьте,
Он был где-то рядом.
Вы представьте,
Был так далеко.
Горизонт-непоседа,
Но все же
В зал Поэт приходил
Не один.
Он на встречи свои с молодежью
Часто друга с собой приводил.
Говорили:
— Купите собаку
Иль сервиз на двенадцать персон...
Вы, конечно, романтик,

Однако
Что в итоге сулит горизонт?
Отвечал он
Решительным тоном:
«Свысока не судите о нем,
Подружитесь и вы с горизонтом,
И друг друга
Мы сразу поймем!»
Иногда не писал он,
Молчал он,
Был в молчанье особый резон...
И стоял вместе с ним, опечален,
В шапке сумрачных туч — горизонт.
Но в лучах огневого заката,
У огромной страны на виду,
Словно всадник,
Он мчался куда-то,
Как в двадцатом
Крылатом году!
Понимание горизонта
Постепенно, конечно, придет...
Горизонт — это линия фронта,
Продвигаемая вперед!

Апрель, май...

Лишь закончится апрель,
Унесет свою свирель —
Месяц май опять завьюжит,
Забелеет и закружит
Лепестковая метель.
Месяц, словно карусель —
Май!
Ай!
В мае сладко маяться
В подвенечном платье.
Май медовый,
Май бедовый.
Ночи синее крыло.
Губы алые светло.
Месяц — аист длинноногий.
Поглядишь — а на пороге:
Тридцать первое число!

* * *

Женщина —
Она всегда
Предрассветная звезда.
Близкая
И дальняя,
Пылкая,
Печальная.
Пусть
Является на миг,
Счастлив,
Кто ее постиг,
Лишь по ней
В любой дали
Путь
Сверяют
Корабли.
Та — манящая звезда.
Та — слепящая звезда.
Всюду
Согревает нас
Блеск ее
Зовущих глаз...
И пленяет чистотой
Самой грешной
И святой.
Скрыта гребнем снежных круч,

Вереницей хмурых туч...
Ждем порой
Так много лет,
Чтоб ее увидеть свет.
Близкая
И дальняя,
Пылкая,
Печальная...
Женщина —
Она всегда
Предрассветная звезда.

Тополя в степи

Здесь где ни ступи —
Тополя в степи.
На ветру стоят
Вдоль дороги в ряд.
Кроме них пока
Здесь ни деревца.
Город вырастет —
В это верится.
Хоть суха земля,
Начинать с нуля.
Раскаленный зной
Шелестит листвою.
Притекла вода
В первый раз сюда.
Зелены поля —
Выше тополя.
Далеко идти.
Тополя в пути.
Тополя в степи,
Словно исповедь:
Надо
Вырасти!
Надо выстоять.

А река —
Как будто бы рука.
А листва —
Звучащие слова.
Крона дерева —
Ясно: голова.
Просеки,
Поляны и холмы —
Это мы,
Конечно, это мы.
А леса —
Открытые глаза.
А роса —
Упавшая слеза.
Вот и все.
Простые чудеса!

Декабрьские розы

В Ташкенте декабрьские розы цветут.
А осень как будто уже миновала.
Листва порыжела,

опала,
пропала...

Ах, что же случилось? — подумаешь тут.
Как будто на несколько кратких минут
Весна заглянула. И что ей прогнозы,
Как ярко горят эти поздние розы —
В Ташкенте декабрьские розы цветут!
Привычный весна изменила маршрут.
Иль важное что-то сказать позабыла.
Сказала. Ушла.

Навсегда погубила.

В Ташкенте декабрьские розы цветут...
И холод ворвался, порывист и лют.
А розы под снегом,
завять не успели.

Не знаю,

не знаю, что будет в апреле...
В Ташкенте декабрьские розы цветут!

* * *

Дочь моя родилась в январе,
Отыскал я ее в янтаре
На высокой хрустальной горе,
В ставшей камнем сосновой коре,
И взойдя из крупыцы огня,
Повторила тебя и меня,
Как чудесно сложились черты —
Пусть счастливей, чем я и чем ты,
Будет дочь, я желаю того,
В том природы и есть волшебство:
Вновь и вновь обжигая в огне,
Делать мир этот ярче вдвойне!

Имя реки

Даются рекам не названия,
Даются рекам имена.
Течет, течет, волной позванивая,
Река, влекущая меня.
И думаю о Зеравшане я...
Как удивительна судьба
Реки. От первого дыхания,
Мерцанья тающего льда,
Ручьев и родников слияния,
Где обретает речь вода,—
До знойных дней, до возмужания,
Когда вокруг шумит страда,
И Зеравшан легко и молодо
Струится по родным полям,
Живое рассыпая золото.
И все, что им в дороге добыто,
В итоге остается нам:
В ладони тополя высокого,
В ребячьей тоненькой руке,
В глазах у старца одинокого,
И в городе и в кишлаке —
Здесь сад взращен, там пряжа соткана.
И не грешно тогда реке
До моря не дойти далекого
И на краю пустынь, в песке
Последней каплей самой малою

Сласти от гибели росток
И вновь гудеть водою талою
В горах, где утро, где исток!..
Пока течет река долинами,
Дыша на перевалах лет
Снегами, грозowymi ливнями,—
Есть только жизнь, а смерти нет.
И думаю о Зеравшане я,
Взрастившем наши племена...
Даются рекам не названия,
Даются рекам имена!

АФРАСИАБ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Клинок

«...В том истина и высшая награда».

Надпись на клинке

Зловещий меч жестокого владыки.
Почти истерта надпись на клинке.
Какой она таила смысл великий,
Даруя мощь карающей руке?
Под ржавчиной слова неразличимы,
Зазубринки покрыли острие.
Потрешь клинок, и точно свет лучины
Чуть осветит бывшее бытие.
Дворцы, порталы, своды Самарканда
Разил металл и возвышал металл.
«... В том истина и высшая награда»,—
Я перевел слова и прочитал.
Я прочитал и пораженный вздрогнул,
Ладонью ощутив чеканный след...
Та истина звала Его в дорогу.
Ей поклонялся Он на склоне лет.
А в чем она? Стать мира властелином?
Смятение души отбросить прочь,—
Пусть будет слабый в прах повержен сильным,
День солнцелик, но воцарится Ночь!
За верность ей Его ждала награда
Из рук скорбящих горько матерей,
Пир на камнях разрушенного града.
Презренье покоренных Им царей.
Кто до конца мне истину откроет?
Не довершив последний свой набег,
Правитель сгинул... Ржавчиной иль кровью
Смысл изречения затемнив навек.

Афрасиаб после дождя

Афрасиаб.
После дождя
Размыло глиняные склоны...
Здесь рано утром проходя,
Ты вдруг застынешь, изумленный.

Дождь благостный тебе явил
Обломок древней терракоты:
Лик девушки. Пригож и мил.
На твой вопрос безмолвный:

«Кто ты? —

Богиня Солнца иль раба,
Царица Согда иль блудница?...» —
С ее отточенного лба
Вот — позолота. Лишь крупница.
Слетит. Как бы в ответ тогда.
Ты вздрогнешь, вещий знак заметишь...
Ее восторг, ее беда
Тебя коснутся сквозь столетия.
...Спешила по тропе она,
Ладони и уста горели...
Вот бусинка. Всего одна.
Рассыпанное ожерелье.

Здесь, видно, улица была.
Шла женщина, ступая чинно.

Вот горлышко того кувшина,
Что к роднику она несла...
А это — жертвенник огня.
А этот холм — ее жилище.
Базар, где шум и толкотня,
И мрак ночной на пепелище.
Найдешь в горсти родной земли
Следы пожарищ и набегов,
И зерна, спящие в пыли,
И корни будущих побегов.

Афрасиаб после дождя...
Ручей к ручью —
 поток струится,
В ложбинах яростно гудя,
В пути взмывая, словно птица.

Течет поток земных времен:
Шатры.

 Повозки.

 Аргамачи.

А завтра —

 где промчался он —
На склонах пламенеют маки.

Дождь прошумел. И снова зной.
Но ты еще во власти встречи...
Уносит вдаль

 поток шальной
Звучание согдийской речи.

Средние века

В ретортах тишины
Желтел застывший зной.
Песочные часы
Струились не спеша.
Земля просила пить
Иссохшими губами.
Ее безмолвный крик
Летел в глухое небо.
Угрюмо брел закат —
Багровый кардинал.
И думали тогда
О философском камне
Вараны на песках —
Алхимики пустынь.
Соль выпаренных слез,
Потресканные губы,
И лишь голубизна
Звенела, как струна.

Монолог Машраба

«Я — Машраб.
Я ваш раб...» —
Произносит поэт.
Не к эмиру его обращенье,
Не к мулле, что с минбара
Кричит, как петух.
«Я — Машраб...» —
Просит гордый поэт о прощенье.
Он на смертном одре.
Взор поэта почти уж потух.
Кто стоит
В этот час у его изголовья?
И пока его взгляд воспаленный
Совсем не померк,
Отвечает Она:
«Я пришла.
Узнаешь? Да, Любовь я.
Та, которую в юности
Ты, улыбнувшись, отверг».
Он глазами еще
Силуэт ее призрачный ловит.
Бьется сердце.
Но пульс
Безнадежно становится слаб...
Он в беспамятстве.
Губы замерли на полуслове:
«Я — Машраб...
Я ваш раб...»

* * *

Укрыл снег легенд
Города и века.
И лишь очертанья
Под слоем песка.

Руины дворца.
Городская стена.
Обрушилась,
Глиною стала она.

Сгорели сады,
Отпылала листва.
Исчезли в песке
Золотые слова:

Гургандж, Уструшана,
Фараб и Яркенд
Уснули навеки
Под снегом легенд.

По мертвому руслу
Ужель никогда,
Бурля, не промчится
Речная вода?

Погасли черты
Дорогого лица...

Сын больше не встретит
Родного отца.

Ужели
Никто никогда
Не войдет
В двенадцать
Распахнутых ветром
Ворот...

Но снег
Запоздалый,
Что выпал чуть свет,
Яснее еще
Обозначил их след.

И смотрят глаза,
Прорастают слова,
Под снегом легенд
Зеленеет трава.

Нумизматы

Памяти С. П. Бородина

Нумизматы
Чудаковаты.
Уточняют какие-то даты...
Мастерят из бумаги пакеты
И хранят аккуратно монеты.
Им подробное дав описание,
Ставят год. Государства названье.
Нумизматы небрежно одеты.
За работой встречают рассветы...
На плечах их — цветные халаты,
Что потерты слегка,
как монеты...

Нумизматы
Чудаковаты.
Но зато всех царей Вавилона,
Властелинов Урарту и Трои
Они могут назвать поименно.
И на место их ставят порою.
Узнают они по надчекану,
По зеленой дорожке на меди,
Как жилось королю или хану,
Как к нему относились соседи.
Этот царь — грубиян и обманщик,
Занимался он лишь кутежами.
Этот банщик,
А этот — карманщик,

Знаменит на весь мир грабежами.
Этот царь, говоря по секрету,
На монете чеканил монету...
Сей правитель бескрайнего мира
Был бессовестный мот и транжира.
Как вода, растеклись его драхмы.
Государство в преддверии драмы.
У Истории были этапы.
У Истории были моменты.
И, конечно, же все нумизматы
Хорошо знают истину эту.
Лишь потрут,

как волшебную лампу,

Фельс

Редчайшей старинной монеты —
Возникают эпох лабиринты,
Царедворцы, что канули в Лету,
И события, что нами забыты.
Исторические закоулки,
Неизвестные даже науке.
Чей-то профиль на древней монете,
Нумизматы — посланцы столетий.

Фрески Афрасиаба

Поэма-легенда

Фрески Афрасиаба —
Как,
Вы не замечали? —
Кто-то по ним мечами!..
Всадники проскакали,
Дальше по галерее
Вниз,
Где в сыром подвале —
Кольца и ожерелья...
Ранены были фрески.
Стрелы пронзали метко...
Долго смотрю
Сквозь резкий свет
Двадцатого века!

1

Город шумный,
Город знатный,
Древний град Афрасиаб,
У него мечи и злато,
Есть рабы,
Не счесть солдат.
В лавках здесь
Меха и жемчуг,
Кожи, снедь,
На ткани спрос —
Светятся улыбки женщин
Ярче лун,
Нежнее звезд.
В пышно убранных палатах
Роспись краской на стенах:
Гости

В праздничных халатах,
На горячих скакунах,
Рощи,
Хаузы,
Базары,
И видны издалека
Драгоценные товары,
Сабли,
Чаши
И шелка.

2

Предрассветная прохлада.
Пробуждается народ.
Войску отправляться надо,
Уходить пора
В поход!

Чтобы стать еще богаче.
Едут храбрые стрелки,
Да гарцуют,
Знать, к удаче,
Кони их быстры, легки.
За курганы.
За барханы
Пыльный след,
резвясь,
пролег.

В неизведанные страны
Путь извилист,
Путь далек.
Проводили жены,
Дети,
Старики,
Седая мать.

Так всегда
на белом свете:
Женам плакать,
Женам ждать...

3

Дни проходят.
И
Забота
С каждым часом все ясней:
Нет гонцов,
Не слышно что-то —
Люд притихший
ждет
вестей.

4

Расцвели в
Садах гвоздики.
Безмятежно дремлет град.
И украдкой,
зверем диким
Подползает к стенам враг...

А у врат
Дежурит стража.
Мир.
Безмолвье.
Ночи. Стынь.
Но ползет коварный,
страшный,
Хитрый враг —
Песок пустынь.

Он проникнет в щель любую,
Верткий,

Влезет в дом любой,
А затем
Песчаной бурей
Довершит
Слепой разбой!
Не разящими мечами,
Не огнем со всех сторон —
Под сыпучими песками
Будет город
Погребен.

5

Пусто в лавках,
На базарах
Нынче выбор невелик.
Медник
У ляганов старых,
Опечаленный
Поник.

Как недаром
 говорится,
За бедой идет беда:
Нет овса,
Сошла пшеница,
В чанах кончилась вода.
Раздаются стоны женщин,
Крик испуганных детей,
Предвещанием зловещим
Черный лист
Упал с ветвей.
Плачут
Скорбные невесты,
Ждут напрасно женихов.
Голод.
Мор.

И лишь на фресках
Прежний блеск
Былых пиров...

6

Злее зной
И жарче солнце,
Не доехать,
Не дойти.
Замело песком колодцы,
Караванные пути.

7

Возвращаются мужчины.
Близок дом.
Хрустит песок.
У ограды тополиной
Женский
Выцветший платок.

Воевали дни и годы...
И добыча дорога,
Привезли богатства —
Горы!
Кольца,
серьги,
жемчуга!

Привезли богатства —
Горы,
Ноша в торбах
Нелегка.
Пригляделись!
Стены голы,
Зарябило от песка...

Обернулся
Мертвым ликом
Древний град
Афрасиаб.
По нему не течь арыкам,
В нем улыбка — не сиять.

8

Затворяет
Двери
Резко
Ветер —
Страж ночных дворов.
Мрак царит...
И лишь на фресках
Прежний блеск
Былых пиров.

Бытие

Чередование ночи и дня
приносит забвение горя.

Древнеиндийская мудрость

Великий Круг вращает времена.

Та истина древнейшая верна.

— Чего ждешь, юноша?

Чем очарован ты?

— Жду вечера.

Жду звездной темноты.

Свиданья жду с возлюбленной своей —

Жаль, мчится ночь мгновения быстрей!..

— Старик, опять не дремлешь ты

в ночи —

Вот-вот погаснет огонек свечи...

Застыв пред ним,

скажи, чего ты ждешь?

Мгла черная тебя бросает в дрожь.

— Мне глаз сомкнуть жестоко не дает

Колдунья-ночь,

что ходит у ворот...

Жду проблеска,

жду наступленья дня —

Ночь вечности длиннее для меня.

Та истина древнейшая верна.

Великий Круг вращает времена.

Соль земли

В реке вода не солена.
А сколько соли в наше море
С собою принесла она.
И в необъятной чаше моря —
Вся соль Земли, от берегов
До каменистого предгорья.
Густая соль солончаков,
Зола погасших очагов,
И слезы радости, и горя.

Вспоминаю мудрость Рудаки

Я перо острее зачинаю
И пишу за вечер две строки.
Мудрости своей не сочиняю,
Вспоминаю мудрость Рудаки.
Посмотри — у стройного кувшина
Незаметно потемнела медь,
Что горянке голову кружила
И могла, как солнце, пламенеть.
Стан куншина выпрямится снова,
Станет медь лучистойю опять,
Надо принести песка речного,
Тщательно поверхность начищать.
Ты грустишь. В твоей руке тряпица.
Трешь кувшин, а медь совсем не та.
Только разболелась поясница.
Где она? Былая красота...
Тешишься надеждою смешною,
Вновь соблазном юности влеком.
Бороду свою покрасишь хною —
Станешь только рыжим стариком.
Рудаки, прочтя бы строки эти,
Так бы посмотрел на бытие:
«Помни, друг, у потемневшей меди
Тоже есть достоинство свое».

Осенняя ночь

1449 год. Обсерватория Улугбека.

1

Хотел он звезды разглядеть
В крошечной мгле. Но как?
Дворец эмира. Сад. Мечеть.
Пустынный холм Кухак.
Иного нет. И этот путь
Вершит он сорок лет.
И сладостно, и страшно чуть
Приблизить звездный свет.
Прикосновение ощутить
Таинственных лучей...
Как будто мироздания нить
Держать в руке своей.

2

Приходит Улугбек сюда,
С ним юный ученик.
«Гори, вечерняя звезда,
Не гасни в этот миг!
Твои мятежные лучи
Увидел астроном.
Записывай, Али Кошчи,
Ее мы назовем...»

Раздумий полон Улугбек.
Ночь. Звезды. Тишина.

«Но вправе ль смертный человек
Давать им имена?»

3

Внизу струит Обирахмат
Прохладу и покой.
Другие голоса звучат
Над сонною рекой:
— Что это наш правитель там
Построил на холме?
— Грешно признаться, звездный храм.
— Он не в своем уме!
— Царь этим правоверных злит...
— Ничтожный из царей!
— Он государство заразит
Бессонницей своей!

4

Среди вельмож и шейхов — сын
С опущенным лицом...
— Сын Улугбека — он один
Расправится с отцом.
Молчит. Смущен. Глазами в тьму.
Иного нет пути.
— Пора идти. А мы ему
Поможем... меч нести!
Дервиш, сыщи в глуши степей
Траву хазыриспан.
Зажги и отгони скорей
С его очей туман...

5

Мчат кони с четырех сторон.
Не знает Улугбек,

Что взят в кольцо, что окружен
Без права на побег.
Слезает медленно с коня.
— О чем, скажите, речь?..
Взметнулись в небо три огня,
Плеча коснулся меч...
В тот миг представил Улугбек,
Как здесь же, у реки —
Цвели сады. И вешний снег
Летел на лепестки.

6

В снегу деревья, как в цвету,
А лепестки темны.
И ветер загасил звезду,
Развеял детства сны...
Верша привычные дела,
Твердил народ тогда:
— Смотрите: над землей взошла
Кровавая звезда!
Ее восход — зловещий знак,
Что будет черным год.
И засуха близка, и враг
У городских ворот...

7

И вспомнил в то мгновение царь,
Хрипя припав к коню,
Что прадеды и деды встарь
Молились лишь огню.
А ныне только темнота
Всеобщий наш кумир.
Звезда, хоть кровью залита,
Но озаряет мир!
Для казнокрадов и невежд —
Лачуги и дворцы.

Но звезды — как людских надежд
Горящие рубцы!

8

«Спасайся, юноша, беги,
Скачи, коня гони.
Ты книгу эту сбереги —
Труд «Зиджи — Гургани».*
...Со стоном вырвалась душа,
Сверкнув звездой в ночи.
Обсерваторию круша,
Глумились палачи,
Живое повергая в прах
И хороня в пыли.
В ту ночь вокруг на всех кострах
Сердца и книги жгли.

9

Решили холм Кухак смести
Навечно, навсегда...
Не угасай над ним, свети,
Полночная звезда!

Порою слышится напев
Томительный такой:
То плачут сорок скорбных дев**
Над сонною рекой.

Пустынно. Рядом никого.
И там — сквозь звездный свет
Обсерватории его
Заметен силуэт.

* Звездные таблицы Улугбека

** После трагической гибели Улугбека шейхи объявили холм Кухак местом погребения «Сорока дев» и построили здесь мавзолей, получая от посещения его богомольцами большие доходы.

Корни

Смерть — это миф. Все в мире остается:
Жив праведник и не убит злодей.
Шумит листва. Восходит в небо солнце.
Душа опять вселяется в людей.
Нас тяготят неясные желанья,
И тщимся мы самих себя постичь.
Своим поступкам ищем оправданья...
И предков зов перерастает в клич.
Вазон с цветком несу на подоконник
И представляю явственно тогда:
Сюда я приходил... Я был Садовник,
Сады растил я в древние года.
Но иногда, собою недоволен,
Что слаб мой дух, что кость моя узка —
Себя я вспоминаю, был я Воин,
Я помню Тамерлановы войска!
А может быть, в доспехах Спитамена
Я выступал решительно в поход,
Любимую свою я спас из плена,
Разбил врага, освободил народ.
И вдалеке я Зодчий был когда-то,
Дворцов порталы к небу приближал.
И с минарета — царская расплата —
Был сброшен. И у ног царя упал...
Но я восстал из каменного пепла.
Стал Гончаром. Взял глину и песок.

Слепил кувшина женственное тело
И пламенем души его обжег.
Глазурью белой рисовал я птицы.
И птицы улетели в небеса!
И до сих пор на изразцах ветвится
Тугая виноградная лоза.
Я Лекарь был под сводами былыми
И пастухом гнал по холмам стада.
В сознание не одно мерцает имя
И возникают в дымке города.
Звено в цепи извечных превращений,
Живу я, постигая в глубине,
Откуда эта жажда песнопений,
Судьбою предназначенная мне...

* * *

Что ты видишь за этой строкой?
Только сумрачный лес за рекой...

А другой и того не увидит,
Просто в поле открытое выйдет.

Что ты видишь за этой строкой?
Чей-то образ такой дорогой...

Взгляд отца, скрытый в дымке туманной,
Чуть подсвеченной рощей багряной.

Что ты видишь за этой строкой,
Перечеркнутой твердой рукой?

Вижу: ночь. Журавлиная стая.
Вижу: звездочка светит, мерцающая...

Что ты видишь за этой строкой?
Только небо и вечный покой.

* * *

Мои корни в родной земле.
Там, где реки шумны в горах,
Где цветет миндаль в феврале,
Где растет колючий янтак.

Мои ветви до облаков.
Пыль дорог на моих руках.
Сто деревьев из ста садов
Мне знакомы в других краях.

Признаю я с ними родство,
Расстояниям вопреки.
Значит, тверд и надежен ствол,
Значит, корни мои крепки.

Птицелов

Ты ловил ее, как птицу,
В сети слов, приманкой взгляда.
Сам в свои попался сети,
Так, ловец, тебе и надо.

Птица бедная томится —
Всюду крепкая преграда.
Бьется громко в клетке птица —
Так, ловец, тебе и надо.

Отпусти ее на волю.
Не взлетает. Вот досада.
Птица жить привыкла в клетке.
Так, ловец, тебе и надо!

Ты грустишь. Смеется птица.
Зернышкам и крошкам рада.
Позабыла птица песни.
Так, ловец, тебе и надо.

Слово, что в строке томится —
Не великая отрада.
Ты забыл, что слово — птица, —
Так, певец, тебе и надо!

Пустыня

Где небо бездонною синью,
Где влаги последний глоток,
Я трогал руками пустыню —
Меж пальцев струился песок...

Коварный,
сыпучий,
безмолвный,
Как тайная чья-то беда.
По бороздам сжатых ладоней
Струился песок, как вода,
Которую всю поглотил он,
Но зерен тем не напоил.
Смешался с землею и с илом,
Ростка одного не взрастил.
Давно побывал я в пустыне...
Что помню?

Отвечу.

Изволь:

Песок ощущаю поныне
Да истины горькую соль.

Ая-София в Стамбуле

Ты была
Обитель Духа.
Не исчезла,
Не потухла!
Озираю своды немо.
Вижу небо, небо, небо...
Ясно. Пасмурно. Сурово.
Турок гид
Поведал мне,
Что цементная основа
Стен собора
На зерне!
Да,
Обычная пшеница,
Та,
Что в поле колосится.
Чтоб стоял незыблем камень.
Чтобы сырость не брала,
Чтоб, вставая над веками,
Голубели купола!

Доктор времени

Народным умельцам

Как реки с гор,
 грохочут годы,
 бегут,
 ворочают,
 стирают.

Отцвел цветок лазурный,
Гордый,
Венчавший сказочный орнамент.
Тускнея, отломилась краска...
Вредит ей сырость. Солнце вредно.
Дождь точит,
Сушит зной опасно —
Недуг зовется кратко: время.
Зачахла краска.
Должен кто-то
Ей нежный блеск вернуть обратно.
И стенку слушает как доктор
В халате пестром реставратор.
Разглядывая верх по крохам:
Узор и кладку — удивленный
Прислушается — слышит грохот
Паденья сводов истонченных.
Не поддается.
Блекнет краска
Капризная — художник терпит,
Он знает, что нужны ей ласка,

Любовь,
Прикосновенье,
Трепет.
А надо мало,

очень мало:

Чтоб растворить до цвета неба,
Чтоб слился труд с оригиналом,
Чтоб новых швов и видно не было...

Под утро Мастер тихо выйдет,
Присядет у резных ворот,
Глядит — невидимое видит,
Минувшее воссоздает.

Синий город

Пройди под вечер ты
Холмы Чупан-аты,
Взгляни —
И пред тобою
Сквозь солнечный закат
Проступит Самарканд
Вечерней синевою...

Письмена

П. Т.

Листы карагачей
Шершавы и сухи.
Послушай, книгочей,
Забытые стихи.

Возникнут имена,
Неясные, как сон.
Прожилки-письмена
Исчезнувших племен.

Элегий скрытый гул.
Одический размер.
Неведомый Катулл,
Безвестный Алишер...

Деревья. Листопад.
Шумящая листва.
Послушай, как звучат
Высокие слова.

О, как же глубока,
Свободна и легка
Последняя строка
Летящего листка.

Войдешь в осенний сад,
А в нем — пожар веков,
В огне его горят
Черновики стихов.

Хамза

Много есть карагачей в Шахимардане.
Среди них
В молчании стоит
Карагач один, причастный к тайне,
Дерево, бугристыми корнями
Резко уходящее
В гранит...

Помнит дерево, когда поэт
По тропе спускался в час рассветный,
В гимнастерку, как солдат, одет...

С песней,
Что осталась недопетой,
Не спеша спускался. Он любил
Снегом чуть прикрытую долину,
Строгость камня,
Горной речки пыл,
Ная звук томительный и длинный...

Жил могучий дух большевика
В тихом и задумчивом поэте:
Создана им,
Чтоб учились дети,
Школа в самом центре кишлака!

Потому,
Когда он не спеша
Любовался строгими горами,
Пробирались, тяжело дыша,
Вдоль дувалов муллы с курбашами...

Помнит дерево,
Почувствовав тогда
Тонкими, ребячьими ветвями,
Как неожиданно ворвалась беда,
Как в поэта полетели камни...

Острым камнем, каплями свинца
Сколько раз пытались озверело
Уничтожить песнь, сразив певца,
Целятся — а песня улетела!

Вьется вдаль тропа...

Оно стоит.
Дерево с могучими ветвями,
Слышите?
Оно гудит над нами.
Твердыми,
Железными корнями
Глубже уходящее
В гранит!

* * *

Живут
И пахарь, и кузнец —
Так прочь
Нелепые сомненья!
Нет, миру не придет конец,
Не будет светопреставленья.

А если, нарушая ход,
В какой-то день
 за облаками,
Тускнея, солнце пропадет,
Погаснет и во мраке
 канет,
Кузнец тогда
 во мгле сырой
За дело древнее возьмется,
Начнет ковать —
И над землей
Он сотворит другое солнце.

А пахарь —
Он погожим днем
Под этим солнцем рукотворным
Начнет
В горячий чернозем

Бросать отборнейшие зерна.
И снова будет край согрет,
И будет хлеб,
И птичье пенье.
И потому
Сомнений нет:
Не будет светопреставленья.

Возраст

Б. Б.

Величали тебя: «Молодой, молодой».
Соглашался. Лишь молча кивал головой.
Ты в дороге успел повстречаться с бедой.
Укоряли тебя: «Молодой, молодой...»
Прогредел над тобой первый гром, первый бой.
Поучали тебя: «Молодой, молодой».
Падал в снег и боролся с бурлящей водой.
Говорили тебе: «Молодой, молодой»!
Повезло. Ты вернулся с победой домой.
Небосвод голубой. И печали долой.
Называли тебя: «Молодой, молодой».
Оглянулись, а ты — совершенно седой.

Луговской

Могилы, ты ограблена оградой...

Евг. Евтушенко

Я здесь не увидел ограды.
Посыпана желтым песком,
Тянулась дорожка. А рядом
Лежал человек под кустом.
Он спал. После долгой дороги,
Щекою прижавшись к траве.
Он спал. И заснули тревоги
И строки в его голове.
Прошел он в дожди и туманы
По краю ветвистой гряды
Ущелья, хребты, перевалы,
Пустыни, каналы, сады.
В ночных поездах, на машинах,
Путями степными верхом,
На арбах скрипучих, старинных
И больше, конечно, пешком.
Он знал чабанов, хлопкоробов,
Мирабов, бойцов, рыбаков...
И я передал ему робко
Привет от его земляков.
Он спал у дороги... Он просто
Устал и прилег отдохнуть.
Разбудит весна. Он проснется
И снова отправится в путь.

Бухара

Думал ты, все та же, что вчера:
Пыльно-золотая Бухара!
На краю оазиса стоишь.
У Муйляна,
 в зелени садов...

Варишь,
 точишь,
 лепишь,
 шьешь,
 лудишь

В тесноте торговых куполов,
Улочек,
Дувалов,
Углых крыш,
По которым город обежишь.
Жарким полднем окунаясь в тишь,
Слушаешь дыхание песков...
Ты уж не такая, что вчера —
Ты совсем другая, Бухара!
Громяхнет последняя арба...
Белый анст взмоет со столба.
Вспыхнув, как свеча минувших лет,
На ветру качнется минарет.
Я на твой базар отправлюсь рано:
Много ли в рядах гончарных блюд?
Что-то меньше блеска у ляганов.

Не видать серебряных кумганов,
Да и медных не отыщешь тут...
Где твои узорные паласы?
Где полет бухарского ковра?
Где твои просторные халаты?
Где твои умельцы, Бухара?
Город

вширь и в высоту растет.

Строится химический завод,
Это — стены шелкокомбината,
И в тюках — очищенная вата,
Ниткой сквозь пески газопровод.
Славьтесь,
Молодые мастера.
Здравствуй,
Золотая Бухара!..
Ветер перемен

повсюду

дует.

Нового приметы вижу я.
Но меня не менее волнует
Древняя индустрия твоя.

Предки

Земля притягивает камни,
И в оглушительном мельканье
Они бросаются с утесов,
С железных рук каменотесов.
Земля притягивает реки,
Дожди, деревья и траву —
Порою кажется, что предки
В том притяжении живут.
Как будто жизни продолженье,
Для них земное притяженье.
Их нестраченные силы
Луч солнца ловят в себе синем
От радости и боли плача,
Притягивают без конца
И наши беды и удачи,
И наши руки и сердца!
И нарастает притяженье
Еще стремительней и злей —
И человеку все сложнее
Идти сегодня по земле.

Восток и Запад...
Свет и Тень.
Вчера и Завтра.
Ночь и День.

Мы
Так считали
Испокон.
Мы
Это возвели
В закон.

Попробуй их соедини,
Не совмещаются они.

Не ведал Киплинг,
Их знаток,
Как близки
Запад и Восток.

Как неизбежно между тем
В сиянье юных лет
Соединились Ночь и День —
И родился Рассвет!

Соединялись русла рек,
Чтобы продолжить к морю бег,

Срастались корни языков,
Чтобы продолжить путь веков.

Сквозь годы,
Сквозь пески,
Сквозь снег
Шел к Человеку Человек...

Сошлись и Завтра и Вчера
В сегодняшней поре,
А это значит, что пора
Подумать о Добре.

Поверить, что Земля кругла
И все едино в ней.
Не совершая больше Зла,
Идти
Путем
Людей.

Далекий Запад и Восток
Сойдутся наконец —
И ярче расцветет цветок
Живых
Людских
Сердец!

ДВА КРЫЛА

Воин и птица

Слушаю, будто бы сказку,
Быль неседой старины:
Воин снял пыльную каску
В день окончанья войны.

Каску со вмятиной снял он
И на межу положил.
Сел отдохнуть, задремал он,
Грузные веки смежил.

Спал он, и снилась солдату
Снова дорога одна —
Шел он сквозь пламя куда-то
И продолжалась война.

Снились поля грозовые.
Грохот ночных мостовых.
Вспышки и лица живые
Павших друзей фронтовых.

Шел к блиндажам, к переправам.
Гулко гремела броня.
Снова войну прошагал он
До настоящего дня.

Встал. Захотелось водицу
Каской черпнуть из ручья.

Вдруг он увидел в ней птицу —
Каску поднял сгоряча.

Птица прижалась к металлу,
И не прогонишь ее.
Травки сухой набросала,
Вот и готово жилье.

Бережно каску поставил
Воин на черной меже.
Сделать такое был вправе,
Отвоевался уже.

И с головой непокрытой
Он веселей зашагал.
День был погожий, лучистый,
Землю ласкал, согревал.

К дому родному — скорее,
Мать бы увидеть сперва.
На обгорелых деревьях
Вновь пробивалась листва.

Люди вставали из пепла,
Жить всем живущим веля.
И расцветала и пела
Древняя наша Земля.

Слушаю, будто бы сказку,
Быль неседой старины...
Вижу солдатскую каску
В день окончанья войны.

Горсть земли

Приедет Мать.
Склонится низко.
Она — не гость...
Оставит здесь, у обелиска,
Землицы горсть.

Лишь горсть земли
 родной долины,
Ее тепла —
Издалека герою-сыну
Она везла.

И на Мамаевом кургане,
В любой дали
Возьмет ослабшими руками
Мать горсть земли.

И повезет в село родное,
В аул, кишлак:
В платке землицу
С поля боя...
И вечно так:

Сюда идут сыны и внуки
И в зной, и в стынь.

И вновь касаются их руки
Родных святынь.

Исходят светом негасимым,
Живым огнем
Сухой песчаник, и суглинок,
И чернозем.

Стоят леса. Темнеют пашни.
Поля страны.
Не только мы —
И земли наши
Породнены!

Пшеничное и хлопковое поле

Вот перед нами —
 хлопковое поле
И хлебной нивы
 щедрая волна...
Живут одною радостью и болью
И хлопкоробы,
 и творцы зерна.
И сеют,
 и растят они с любовью,
Не зная часто отдыха и сна.
То и другое поле —
 золотое,
Ничем неизмерима
 их цена.
В лучах колосьев
 спелая пшеница,
Лучиста в поле
 хлопка белизна.
Еще лучистей руки эти, лица
И хлопкоробов,
 и творцов зерна.
Какое необъятное раздолье,
Как даль необозрима
 и светла:
Пшеничное
 и хлопковое поле —
Родной земли
 два солнечных крыла!

* * *

Сын Азии.
И на твоём лице
След огненный
Промчавшихся столетий.
Сон Азии...
И ты
В его кольце,
Очерченном
На яростной планете.
Сын Азии,
Но ты не азиат,
В твоём прищуре —
Огненные дали.
Синь Азии.
Полночный звездопад.
И ответ гроз
На вороненой стали...
Сын Азии —
С тобою мудрость вед
И тайна
Непрочтенных книг Тибета.
Стон Азии,
И мгла веков, и свет —
Одна строка
Безвестного Поэта.
Неторопливо время,

Как верблюды...
Сынь Азии
И солнечное пекло.
Сгорят цветы
И снова расцветут —
Как птица Феникс,
Вырастут из пепла!
Сын Азии.
Пути иного нет —
Идти тропой
Кремнистой и крутою.
Но Азия!
Огромный континент,
Прочерченный
Уральскою грядою.

Камни Армении

Рубену Акоповичу Сафарову

Красные камни в горах Айастана —
Это разрушенные города...
Ведают горы — когда их не стало,
Знают вершины, когда
Полчища вражьи разрушили своды,
Стены рассыпались грудой камней...
Были длинны, как столетия, годы,
Сделались камни острее и темней.
Били их грозы. И пламя, и холод.
Город разрушен. Душа не умрет.
Камень живет, хоть на части расколот.
В камне хранил свое сердце народ.
Красные камни в горах Айастана —
Неистребимо тепло очага...
Капли живительной влаги Севана...
Грозные камни сметали врага.
Сделались тверже и стали мудрее
Гордые камни свободной земли.
Лозы над ними. Кусты и деревья.
И большеглазые дети росли.
Каменотесы берут эти камни,
Темные камни светлеют тогда,
И под руками — поют эти камни,—
Словно рассветы, встают города!

Дальнее эхо, ближнее эхо...

В стольном Киеве-граде
на Владимирской горке
Чую запах полыни
дымоватый и горький...
За холмистой твердыней
у днепровского берега
Заметается пылью
след дружины Олега.
Слышу дальнее эхо...
В жгучем цвете купавны
Вижу пламя набега...
Слышу плач Ярославны.
Но тогда какво же
ночью сумрачной летней —
Громче громкого грома
эхо битвы последней!..

* * *

Россия
Начинается с берез,
Когда за степью серо-желтоватой
Они гурьбой, как сельские девчата,
Спешат по склону
 на песчаный плес...
Пленяя строгой прелестью волос,
Сережек тонких редкостным тиснением
И ситцем белым,
 что воспел Есенин...
Россия
Начинается с берез.

Цветы в тайге

Цветы и поярче встречал я,
Но случай мне встретить помог
Простые цветы иван-чая
В тайге вдоль бетонных дорог.

Водители ЗИЛов и МАЗов,
Строители, буровики
Живой разговор о прекрасном
Со мною в дороге вели.

И то, что в тайге, в глухомани
Не розами выслан их путь,
А теми простыми цветами,
Они не жалели ничуть.

Бежала, бежала бетонка.
Дорога вела к буровой.
Тайга, как смешная девчонка,
Стояла в косынке цветной.

Толпились цветы у обочин,
В красе некрикливой своей,
Цвели. А без них, между прочим,
Здесь было б намного трудней.

У берез в глазах...

У берез в глазах — синева,
Хоть всю зеленая листва.
У берез в глазах — звезды мглы,
Хоть стволы их белым-белы...
Сквозь проталины снежных туч
Пробивается вешний луч.
Чуть сойдет в феврале мороз,
Вновь синеют глаза берез.
Днем и ночью берез глаза
Смотрят в синие небеса.
Первый клейкий, робкий листок,
Родниковой воды глоток.
Золотые ливни волос,
Вьются косы русских берез.
Ствол белеет... О как чиста
Та лучистая нагота!

* * *

Вьются снега новогодние...
Дали открылись просторные.
Думы сегодня о Родине
Добрые, светлые, гордые.

Чувствую, день прибавляется.
В окнах веселое празднество:
Снег и капли сумятица.
Солнце за тучами прячется.

Горы январские высятся.
И за снегами грядущими
Снега сугробы мне видятся
В поле ручьями бегущими.

Слышу весеннее таянье
Дружное, многоголосое,
Вижу ростков прорастание...
Грозы блестят над колосьями!

Слава Отчизне завьюженной,
Гулким снегам ее тающим,
Пашне, лучами разбуженной,
Красным садам расцветающим!

Составы

Строителям нового Ташкента

Бывают
Великие Беды,
И денно и ночью тогда
Составы тяжелые едут,
Гудят и гудят поезда.
Внезапное майское лето.
И ливни и зной проливной.
И мчатся составы к Ташкенту
По всей магистрали стальной.
Из Киева,
Из Ленинграда,
Воронежа,
Братска,
Москвы.
Так надо.
Так надо.
Так надо
Гудят эстакады, мосты.
В вагонах строители едут.
«Трясет еще здорово».
Но
Сражаться до полной победы —
Обдуманно и решено.
Подвозят бетонные плиты,
Уральский горячий металл.
Итак, начинается битва.
Час этот священный настал.
В пыли утопают палатки,

Но будет жилплощадь дана —
Где в мае одни стройплощадки,
В июле — заселят дома.
Ташкент просыпается рано.
Но будят уже не толчки:
Лебедки, подъемные краны,
Ревущие грузовики.
И утром,
И в полдень,
И в полночь —
Так
График чудовищно сжат —
На помощь,
На помощь,
На помощь
Составы Отчизны спешат.
Порой невеселый, усталый
Присяду. В забросе дела...
Но вспомнив, как мчатся составы,
Скажу: эх, была не была!
Железом, стеклом и бетоном,
Руками людскими
Она,
Га линия злого разлома,
Заклепана и скреплена.
Вперед и вперед
до Победы
Кипучего братства Труда —
Составы все едут и едут,
Гудят и гудят поезда.
А город —
Прекрасней, чем прежде,
Стоит.
В небеса головой.
Становятся реже и реже
Удары стихии слепой.

* * *

Не существует вещей снов,
Не существует.
Век потрясения основ
Мне так диктует.

Закат студеный иль рассвет,
Дымков колечки.
Смертельно раненный Поэт
У Черной речки.

Проснись и вспомнить не могу
Того, что снится.
Цветы белели на лугу,
Летела птица.

Не цвет ромашковый, а снег
Был пред глазами.
Во сне была не птица, нет,
Летели сани.

Темнели тени на снегу,
Мелькали лица.
Проснись и вспомнить не могу
Того, что снится.

Нет, кажется, я сам летел,
Шурша крылами.

Не снег внизу, а город — бел
И с куполами.

Свечей мерцанье. Чей-то зов.
Как ветром сдует.
Не существует вещей снов,
Не существует.

Но только ясно, как в кино:
Опушка леса.
В Него нацеленный давно
Зрачок Дантеса.

Е л ь

Срубишь,
И напоследок
Дерево, будто скорбя,
Лапами
Хвойных веток
Тихо коснется
Тебя...

* * *

Люди ждут особенных вестей.
Люди ждут особенных гостей.
Хоть откуда,
Хоть с другой планеты —
Телеграммы, письма и приветы
От знакомых, близких и друзей.
Люди ждут особенных вестей.

Верно, что дождаться их не просто,
Утром у газетного киоска
В очередь мы встанем из-за них...
Разбирайте!
Слушайте!
Смотрите!
Мы в предощущении событий
Славных,
Поворотных,
Мировых.

Ощущаем ближнего плечо.
Хлеба вдоволь. И хватает зрелищ.
Но чего-то хочется еще...
Новость,
Ты, как плод на ветке, зреешь
И уже волнуешь горячо...
Крупным планом

На телеэкране,
Громогласным сообщеньем ТАСС.
Ты возникнешь,
Но уже заранее,
Не пришедшая,
Волнуешь нас!

На часах планеты звездный час.

* * *

Церковь на краю села, а в ней
Памятью, не канувшею в Лету,
Очертанья звездных кораблей,
Посетивших некогда планету!

Поэт

Внемля птицам и растениям,
Кудри окуная в росы,
Шел поэт Сергей Есенин —
Цыган золотоволосый.

* * *

Что это?
Грядущие гунны,
Орды обнаженные бивни?
Тревожные слышатся гулы,
Небес потемнели глубины.
Робеть ли
Пред тенью Батыя?
Народ богатырский не вымер!
И встанут —
Лишь кликнет Россия —
Вздымая щиты вековые,
Димитрий,
Иван,
Володимир!

Язык человечности

Мы подсчитали —
Сколько языков
Есть у людей Земли.
Их счет велик.
Любой из нас
Отстаивать готов,
Что лучше прочих
Лишь его язык.

Один — древней,
А значит и мудрей,
Другой — звучней
И музыкальней он.
А третий —
Славен
Краткостью своей...
Друзья!
Не будем
Строить Новый Вавилон!
Впустую спор.
Подумаем сперва,
Какие
В разных языках
Слова.
И мы поймем,
Что этот спор

Нелеп,
Хотя ведется
С жаром,
Как всегда...
В различных языках
Есть слово хлеб.
Мать всюду — мама...
А звезда —
Звезда!
И доброта
Зовется добротой.
Зовется другом друг.
Мечта —
Мечтой.
И мы пойдем,
Хотим иль не хотим,
Ценой исканий долгих
И седин,
И согласимся
С истиной такой:
Язык у человечности один.

* * *

Тишина бывает разной:
Напряженной, мирной, праздной.
Где-то кончилась война —
Тишина.
Светит в облаках луна —
Тишина.
Вот малыш в объятьях сна —
Тишина.
Вот устала чуть волна —
Тишина.
Не качается сосна —
Тишина.
Но бывает и такую
Тишина — сплошная тишь,
Что захочется порою
Громко крикнуть:
— Что молчишь?
Разбудить своих соседей,
Зазвонить в колокола,
Чтоб ворвался свежий ветер,
Чтобы дальше жизнь пошла!

Иван и жар-птица

С к а з

Память первого космонавта Юрия Гагарина

Откуда опасная эта затея:
Хвататься рукой за горящие перья?

Иванушка малый обжегся, поди,
Да так,
Что огонь загорелся в груди,
Да так,
Что ночами Иванушке снится
Жар-птица.

— Сидел бы на печке, в медвежьем углу,
Да слушал бы умные речи, коль глуп.
Себя не смущая, других не мороча...

Живущая в протуберанцевых рощах,
Жар-птица взлетала высоко-высоко,
На солнце ей было порой одиноко.
Ручьев огневых не хотелось водицы.
Клевать не хотелось травы-огневицы.

Жар-птица

меж звезд бесконечных летела,
В далеком пути озираясь несмело,
И вдруг — изумленно взмахнула крылом,
Рассыпав горящие перья кругом,

Метнулась и стала красна,
Как невеста.
Куда залетела она?
Неизвестно.
Зетеное поле. Цветы на лугу.
К ней руку Иван протянул на скаку.
В испуге заржала под ним кобылица.
Пылает перо. Улетела жар-птица.

— Иван ты, Иван, почини свой кафтан!
— Не смейся над ним. Он молчун и смутьян!
Он вырос. Окреп. В нем-то силищи тьма.
Да вот не набрался с годами ума.

Изба покосилась, продал лошадей.
Жар-птица...
Как прежде, горюет о ней.
Ивану твердит Ипполит:

— Не годится,
Придумана деткам в потеху жар-птица!
Егор — в разговор:
— Это сущие бредни.

Ты хвор,
Над тобой потешаются ведьмы!
— А жаль человечка...
— Чего там жалеть!
Угрюм, как в лесу после спячки медведь.
Одно у Ивана осталось добро —
Перо. Разгорается жарче перо!
Иван непутевый. Ему стыд и срам —
Пера не продал иностранным купцам.
Пера не продал, не отдал за монеты,
Идет по селу необутый, раздетый...
Проведает барин, а может, и царь,
Перо отберут и царевичу — в ларь!

Толкуют крестьяне на знойном току:
— Ивана, пожалуй, в острог упекут...
— Ты видел перо?
А перо-то горит!
— Т-сс... Если услышат, нам тоже влетит.
Перо золотое. В нем адов огонь.

Прогневаешь бога. Злой силы не тронь!
Аль света в избушке, Иван, тебе мало?
Один свет крестьянский — лучина и сало!
Иван смотрит в небо и видит зарницы,
В мечтах видит след негасимый жар-птицы.
Но только над ширью уснувших полей
Кричат вереницы ночных журавлей.

Внутри заклокочет огонь, всколыхнется:
Эх, как бы подняться до самого солнца!
Вскарабкаться, тяжесть земную осия,
Создать бы однажды чудесные крылья,
Высокие крылья,
Что легче дыханья,—
Отточенных перьев стальных полыханье!
Крылами взмахнуть и взлететь над селом,
Над барином сиплым, над пьяным попом.
Над всеми — кому становилось смешно,
Над всеми — кому «хоть бы хны», все равно.
Над полем, над лесом,
Над колоколами,
Над сводом небесным,
Подняться, как пламя!
— Что ж это Иван все поет и поет?
Стаканами горькую с нами не пьет!
На лбу, как росночки, светится пот.
Выходит,—
Мужик как мужик, из ворот.
Знать, чудо господне сошло на него.

Осапист. Ухватист. Мужик ничего.
— Измаялся вдосталь. Его бы женить...
— Вам, свахам, бы вечно закручивать нить.
Он сам с бородой,
К тому ж, молодой,
Да главное, бабы, мужик с головой!
Стоит над мехами
Кузнец кузнецом,
Не зря ему молот оставлен отцом.

Жар-птица скучает,
Жар-птица томится.
И солнце теперь для нее, как темница.
Горящие крылья беспомощно сложит,
Ее не приветит никто, не поможет.

Беспечный гуляка — ах, солнечный ветер!
Какие жар-птице приносишь ты вести?..
Жар-птица летит. Развевается хвост
Кометой падучей средь гаснущих звезд.
Звезда за звездою над нею восходит.
Плутает жар-птица. Дружка не находит.
К нему бы помчалась. Ушла бы от солнца.
Но как встретит милый? А вдруг посмеется...
Иван до зари мастерит. Он таков,
А спросишь — не даст ни гвоздей, ни подков.
Старуха просила: — Наладь кочергу.
Кузнец отвечает: — Сейчас не могу.
Вот мельник муку на телеге привез.
Поправь, говорит, обода у колес.
Иван прогоняет беднягу с крыльца:
— Другого пойдн отыщи кузнеца!
Надменна походка. Загадочный вид.
Над крышею дым коромыслом висит.
Глаза то блестят, то охватит туман...
Аль темное дело замыслил Иван?

Девицы плетут у реки хоровод.
По ярмарке шустро шагает народ.
Стоят по краям побирушки-старушки,
Танцуют на сцене игрушки-петрушки.
Конфеты, музыка и танцы для вас!
Да больно уж краток веселия час.
Известно,

Бедняцкий запас не велик:
Последний пятак положи на язык!
В то время Ивановы руки скрепили
Ремнями у плеч лучезарные крылья.
Село опустело. Он встал. Посмотрел.
На крышу полез. Побежал. Полетел.

Крылами всю замахаю голубыми,
Как будто рожден был Иванушка с ними!
Он вырвался в небо, жар-птицу услыша.
Летел наяву. Поднимался все выше.
Над ярмаркой яркой Иван пролетел.
— Летит! —

Кто-то крикнул. И сам — наповал.
Катнулось протяжное: — Ох!..
Спаси и помилуй нас, бог..
Анютка-малютка, что в небо глядела,
Тонюсеньким голосом песню запела:
«Слети, ангелок-ангелочек,
На мой рукодельный платочек...»

Звучит пуще прежнего крик:
— Летит деревенский мужик!
Знамение то нехоршее, братцы..
Глядите! Стал колом на землю спускаться...

Тут с ярмарки как разбежится народ,
Кто — так,
А кто задом бежит наперед.

Смешались,
 столпилися,
 как на пожаре:
Крестьяне,
 купцы,
 и монашки,
 и баре...

Иван промахнулся. Был острым гранит.
И вот среди поля, как витязь, лежит.
Лежит он, от ран глубочайших сгорая,
Сжал губы и в небо глядит умирая.
Лежит неподвижно. Не стонет, молчит.
В траве, потемневшей от крови, лежит.

А ночью опять засверкали зарницы.
Потом обозначились крылья жар-птицы.
Горюет и плачет жар-птица над ним,
Над русоволосым уснувшим, родным.
Жар-птица, жаль-птица рыдает
И солнышки-слезы роняет...

Легла на траву
 и как будто устала,
Сгорела,
 И в землю ушла,
 и пропала...

Село пробудилось. Иные крестьяне
Судить да рядить, приговаривать стали:
— Иван,
Как же смог
Ты на это решиться?..

Жизнь не дала. Загубила жар-птица.
Они схоронить порешили его.
Пришли. А вокруг — никого, ничего...

* * *

Слышны в тех краях и поныне слова,
Что странная выросла в поле трава.
Ночами подчас,— как видали крестьяне,—
Трава за рекой излучала сиянье.
Повсюду темно. Спит в потемках село,
А в поле, где села жар-птица, светло.

Волшебная рыбка

Раз поймал я волшебную рыбку.

А она мне:

— Чего тебе надо?

Я промолвил:

— Да мне бы улыбку,

Мне б ответного нежного взгляда.

Удивилась волшебная рыбка,

И слышалось волн колыханье.

Рыбка тихо:

— Со мной не шути-ка,

Назови мне другое желанье.

А не хочешь дворца, где палаты

Из сапфира и дверь изумрудна,

Золоченые ставни крылаты?..

Мне такое исполнить нетрудно.

Ты скажи мне, чего тебе надо?

Попросил я, вздыхая глубоко:

Чтоб не жгла меня ночью досада,

Что друзей растерял я до срока.

Помрачнела волшебная рыбка

И волной меня хладной достала.

И поплыла в печали великой,

Исполнять то желанье не стала.

— Ну, скажи мне, чего тебе надо,

Что исполнить я все-таки в силе?

— Мне услышать бы шум листопада

Тех деревьев, что летом срубили...
Стшатнулась волшебная рыбка
И на гребне девятого вала
Задохнулась от скорбного крика
И в пучине глубокой пропала.

* * *

Давно то было... Разве мы забыли?
Достигли мы. Такая высота!
Растут деревья... Тщетные усилья,
Не хватит сил, чтоб дорасти сюда.
Мы наверху. Теперь стоим над ними,
Берем лишь кислород у них взаймы.
Припоминаем: были мы другими...
Что отрицать — другими были мы!
А были мы тогда Природы Дети —
Ужель не повторится этот час:
Стучась в окно ладонями соцветий,
Деревья поутру будили нас!..

* * *

В тиши бескрайней чей-то зов
Я слышу.
Звучанье тысяч голосов
Я слышу.
В пустыне шум бегущих рек
Я слышу.
В садах песков сыпучих бег
Я слышу.
Дождей, что не пролились,
Плеск
Я слышу.
Детей, что не родились,
Крик
Я слышу.

* * *

Земля!
Ты словно плод
Осенний.
Заветный,
Заповедный плод...
Червь беспощадный,
Червь сомнений
Тебя не съест,
Не изгрызет.

* * *

Если ввысь стрижи —
Стороной дожди.
Если вниз стрижи —
То польют дожди.

Крылья птиц
Стригут
Травы синие,
Впереди
Дожди,
Грозы с ливнями.

Нелегко земле,
Если нет дождей.
Но всего страшней,
Если нет стрижей.

Баллада о человечности

Кто выдумал, что будто мы
Коммуникабельности чужды?
Ах, философские умы,
Все ваши вечные причуды!

Да вам ли этого не знать:
Когда стоишь у перехода,
Внезапно хочется сказать:
Какая славная погода!

В такси к шоферу пристаем,
В метро и в тесноте трамвая.
О чем-то личном, о своем
Беседу с ближним начиная.

Бывает дел невпроворот,
Встречаемся на перепутьях.
Неистребимая живет
Потребность высказаться в людях.

Вот человек в пучину вод
Ныряет со скалы отвесной.
Услыша голос неизвестный,
Он, руку протянув над бездной,
Пройдет, рискуя, и спасет.

Междоусобицы долой!
Зачем бессмысленно таиться,
Своею радостью, бедой
Хочу с тобою поделиться.

Своей надеждою одной,
Своей любовью безответной,
Улыбкой, удалью шальной,
Последней песней, недопетой...

Звучит — и надо уловить:
Не затыкайте ватой уши,—
Sos! — не на море, а на суше
Намного чаще может быть.

Твои черты

Фотографический портрет:
Тебе исполнилось семь лет.
Ты в школьной форме. Первоклашка.
Ты обезьянка. Замарашка.
И на тебя управы нет.
Большеголова и смешна,
Еще ты даже не подросток,
Пока эскиз, пока набросок,
Из детства, будто из окна,
Глядишь на людный перекресток.
Попарно сложены косицы
И сбоку — бантики пестры,
Тебе чистописанье снится
И сказок чудные миры.
Ты некрасива, угловата,
Но я на фото узнавал
То, что иным предстанет завтра:
Плеча изгиб, лица овал.
Шалунья, чертик, егоза.
У девочки твои глаза.
Ни с чьими спутать их нельзя.
И в них уже светились дали,
Во всем обозначалась ты,
В истоке,
В ручейке,
В начале
Неумолимо проступали
Черты
Грядущей Красоты.

* * *

Как будто изнутри освещена,
Безрукая Венера — кто она?

Богиня Красоты или калека?
Застигнутая мрамором комета?

Сражение злобных сил и сил добра?
Людского милосердия сестра?

Кто ощутил хотя бы на мгновенье
Ее легчайших рук прикосновенье.

Безрукая Венера — кто она?
Морская побежденная волна?

Нет, часть ее. Исчезнувшая пена...
Одно бесспорно: необыкновенна.

Как истина, туманна и ясна,
Безрукая Венера. Вот она!

* * *

Какова цена
Пустой гордыне...
Стоит что
Надменная суровость:
Дерево стояло
На вершине,
А плоды его
Летели...
В пропасть.

Кукушка

А. П. Межирову

Кукушка вдали куковала
В тиши подмосковных лесов,
Но так до обидного мало
Она насулила годов.

Махнул бы рукой — суеверья! —
И сетовать больше не стал,
Но я, озирая деревья,
Кукушку невольно искал.

Старалась она, да не очень,
Спешила, видать, по делам.
Могла бы подольше, погромче
На радость моим старикам.

Промчалась, гудя, электричка,
В пути тормознуло авто,
В руках моих чиркнула спичка,
Спугнуло другое ли что...

Кукушка, пропев, улетела,
И стало чего-то мне жаль.
По синему облаком белым
Моя проплывала Печаль.

Полярное лето

А как тепло! И не заходит солнце.
Цветут всюду полярные цветы.
Но в глубине, я знаю, остается
Слой Вечной Мерзлоты.

Вот так когда-то стылými ночами
Из всех обид, размолвок, суеты
В какой-то миг возник и между нами
Слой Вечной Мерзлоты.

Сойдут снега. И выглянув в оконце,
Погожим утром улыбнешься ты.
Но в глубине, я знаю, остается
Слой Вечной Мерзлоты.

* * *

Говоришь:

— До свидания...

Знаешь, не провожай.—

Говоришь:

— Успеваю я

На последний трамвай.

Ты уйдешь. Зааукает

То ль зима, то ль беда.

Все звучит переулками

Мне твое «До свида...»

Вроде истина давняя,

А поймешь

невзначай:

Иногда «до свидания»

Означает «прощай».

Линия жизни

Линия жизни моей...
Тонкою тропкой бежала,
Прячась в траве средь камней,
Мимо зеленого тала.

Есть в ней извитость ветвей,
Росших в родительском доме.
День ото дня все ясней
Ты мне видна на ладони.

Пересечение путей —
Ливни, отметины града,
Топот тяжелых коней,
Яростный гул камнепада...

Ты мне была столько дней
Радостью, болью, тревогой...
Линия жизни моей,
Ставшая долгой дорогой.

СНЫ ГОРОДОВ

Окрыленное сердце

Когда это было?
Какими ночами...
Вдруг сердце забило
Крылами,
Крылами.
И ты оглянулась.
Ты вздрогнула тоже,
На миг растерявшись...
Но что же?
Но что же...
Такие причуды
Легко отменяя,
Подумала,
Это — какая-то стая
Пернатых
Расправила звонкие крылья.
Но ты ощутила.
С тобой ощутил я,
Как сердце
Как будто крылом ударялось.
И ты ощутила,
Ну самую малость!

...Сквозь годы —
Сквозь весны,
Сквозь белую вьюгу

Две птицы летели
Навстречу друг другу.
В прозрачной
Тугой высоте небосвода
Путем,
Что навек указала Природа.
Твой плащ напоследок
Мелькнул у подъезда...
Уехал и я,
Человек-непоседа.
И правда,
Мы были почти незнакомы,
Сказав: «До свиданья!» —
Расстались легко мы.
Расстались. Уехали
В дальние дали.
Увидимся снова?
Куда там.
Едва ли...

Запомнился голос
Да искорка взгляда.
Помчаться на поиск?
Не стоит.
Не надо.
О встрече забыла...
Случайная дата.
Когда это было?
Когда-то,
Когда-то.
В начале апреля,
А может быть, марта.

Как будто нашли,
Что искали
Вначале.

Другие сомненья,
Другие печали...
А где ты?
А где-то
Далёко-далёко.
И сердце затихло.
Молчит одиноко.
Но если...
Взлетит
И к тебе устремится —
А что, если сердце
Действительно птица?
Ударит крылом
И захочет согреться
В полете
Твое
Одинокое сердце!
Надежная клетка
Захлопнута крепко...
Так было,
Так было,
Мы слышали сами:
В груди
 сердце
 было
Крылами,
Крылами!

Самарканд. Уходящая окраина

Глиняные заборы,
Сонные черепахи,
Желтые скорпионы,
Ящерки на камнях,
Клинопись нежных листьев —
Милого детства знаки,
Это исчезнет скоро,
Можно сказать, на днях...

Встанут микрорайоны —
Город в белой рубашке
На горячем асфальте,
Ширь. Высота. Размах.
И уползают в страхе
Дряхлые черепахи.
Тощие скорпионы
Прячутся в пыль и прах.

Где-то там, на лужайке,
Наши мелькают майки.
Знаем, что скоро зданье
Встанет на месте том...
И выгорают майки,
И отцветают маки.
Ящерки отпечаток
Будет хранить бетон.

* * *

Март — снежок и льдинок хруст,
А весна — в апреле.
Птица Радость, птица Грусть
Снова прилетели.

Не в садах и не в лесах.
Песни распевают,
Птицы те в людских глазах
Гнездышки свивают.

Современная история

В квартире
Четыре
Девчонка жила.
Все книжки читала
И принца ждала.
Твердили иные:
Наш век, мол, не тот.
Ждать принца напрасно.
Мол, принц не придет.
А принц вдруг явился
И звонко сказал:
— Принцесса,
Я вас приглашаю на бал.
А после
Мы вместе поедem на БАМ!
Где сосны и кедры
Таежной земли.
И солнце, и ветры,
И море вдали!
Ничуть ей
Хрустальный не жмет башмачок.
На платье венчальном —
Гвоздики цветок.
И поезд принцессу увез на восток...
Когда бы не слушали
Всяких иных,
Могли бы
Мы принцев дождаться своих!

Деревья в саду

Еще в саду тепло. И зеленеют листья
Но знаю я, о чем в ночи вздыхает сад:
Что далеко весна, что осень близко-близко.
Что скоро листопад, что скоро листопад...

Там дерево одно усыпано плодами,
И ветви оттого ломаются на нем.
Есть и деревья здесь с высокими ветвями,
Но нет на них плодов. И предосенним днем

Легко шумят листвою, над садом возвышаясь,
Здесь проходя порой, их замечали вы.
Осыпались цветы и потемнела завязь,
И лишь остался шум пустеющей листвы.

Они еще растут. И рвутся в неба просинь.
Но гаснет солнца луч. Тускнеет синева.
Деревья в том саду свою встречают осень.
И сыплется листва. И сыплется листва.

* * *

Иногда,
Иногда,
Иногда
Засыпают в нечи города,
Необычных видений полны:
Снятся улицам синие сны.
Снится поле.
И снится река,
И плывут над рекой облака.
Фонарям снится яблони. Сад.
А в саду — листопад. Листопад.
Снится городу миг тишины —
До чего же короткие сны...
Спит на площади серый гранит
И во сне его — роща шумит.
Ночью снится асфальту трава,
Снится окнам — озер синева.
И скользят не машины тогда,
А бредут к водопою стада.
Улыбается город светло,
Снится городу детство: село.

Из цикла «Городские элегии»

* * *

Забор дощатый и крыльцо,
Одноэтажье.
Я знаю, города лицо,
Оно — и наше.

Порталы. Шпилей острие.
Листва над крышей.
В ее шуршании свое
Дыханье слышу.

Часовенка. Пролет моста.
Цветы окраин.
Без ухищрений красота.
И ты ей — равен.

Лицо теряют города,
Печально, что же...
И мы лицо свое тогда
Теряем тоже.

Взмахнет крылами неспроста
В неоне птица.
И городская суета
Изменит лица.

И ощутишь внезапно сам,
Как легкой дрожью

Ночами нервный тик реклам
Пройдет по коже...

Гудит шоссейное кольцо,
Многоэтажье.
Я знаю, города лицо,
Оно — и наше.

* * *

Одна любовь умрет,
Взрастет другая,
Проснется в том же сердце
И в глазах,
Как дерево возникнет,
Расцветая,
И прежнюю любовь
Развеет в прах.
Но ощутим,
Но мы постигнем вскоре,
И мысль пронзит,
Как древнею стрелой:
Что в нас растут,
Еще тревожат корни
Любви былой...
И в глубине,
Дурманя, бродят соки,
Гудят, не затихая ни на час.
Беспомощны они,
Но и жестоки:
Питают нас,
Они пытаются нас!
Мы ощутим все жарче,
Все бесспорней,
Окружены густой вечерней мглой,
Что в нас растут,
Что нас тревожат корни
Любви былой...

«Скорая помощь»

Ты проснись и в окно посмотри:
К дому вновь подъезжает «ноль три».

Проплывающие среди мглы,
Так тревожно халаты белы...

В лихорадочном, горклом дыму
Очень плохо кому-то. Кому?..

Кто-то бодрствует ночь напролет,
Кто-то стонет и помощи ждет.

Или это — войны инвалид,
Иль у матери сердце болит...

Дом огромный тревог и забот.
Многоликий живет в нем народ.

Дом — антеннами ввысь, в синеву,
Да и сам я в том доме живу.

Ночь. Притушены чуть фонари.
У подъезда дежурит «ноль три».

Отъезжая, одна прошуршит,
Ей на смену другая спешит.

Неустанно сигналил в пути,
Все надеясь кого-то спасти.

И на красный торопится свет,
Даже если спасения нет.

Снятся кони

Огни,
Огни в микрорайоне.
Машинам улицы тесны.
Усну. И снова снятся кони,
Стремительные скакуны.

Мне снится: мчатся, мчатся кони...
И белогривы и красны,
И ветра стынь и жар погони,—
Но отчего такие сны?

Мне снятся кони, снятся кони...

Полузабытое. Родное.
И я коней своих зову.
На Бежин луг спешу в ночное,
Живую трогаю траву.

Мне снятся кони, снятся кони...

* * *

Кто-то в окно постучался ко мне.
— Кто там?— Спросил я негромко сквозь сон.
И пробудился. И вижу в окне:
Небо. И тополь стоит невесом.

Кто же стучался? Только не он —
Еле верхушкой достал до окна...
Звезды мерцали за синим стеклом,
Аистом встала над крышей луна.

Тополь и звезды. Привычный пейзаж.
Окон квадраты. Четвертый этаж.
Или все это почудилось мне,
Или все это приснилось во сне.

Кто же в окно постучался ко мне?

Д р у г

Три дня бродил по улицам щенок.
Там, где аптека, магазины, почта.
И сердобольный кто-то
Пирожок
Ему купил. И распрощался. Точка.

Щенок-малыш подачек не просил.
Но кто-то злой в остервененье диком,
Не совладав с собой, что было сил,
Толкнул его своим тупым ботинком.

Щенок скулил. У остановок мок.
Откуда он явился — неизвестно.
Могли с ним дети поиграть часок
И с грустью оставляли у подъезда.

Щенок, минутной ласкою согрет,
Блуждал три дня, а может, и четыре.
«Возьмем!» — «Нет-нет», — и следовал ответ:
— Зачем? Чтоб пахло псиною в квартире?

Позвал его. Щенок, как заводной,
За мной помчался, прыгая по лужам.
Его я подобрал. Принес домой.
Был счастлив он и чуточку сконфужен.

У ног моих барахтался щенок,
Ему в дороге приходилось туго:
Три долгих дня бродил он одинок,
Три дня искал защитника и друга!

* * *

Голос исчезнувшей птицы —
Последнего соловья,
Магией магнитофона
Вызван из небытия.

Вы слышите? Что за трели!
Нельзя пером описать.
Благо, что их успели
Вовремя записать.

Магнитофонная лента,
Пение соловьев.
Будем каждое лето
Ночами слушать ее.

Какая страшная сказка!
Напрасно
Придумал я.
В лес отправлюсь сейчас я,
Послушаю соловья.

Там,
На кусте ракиты,
Где что-то шепчут ручьи,
Сейчас певец знаменитый
Рассыплет трели свои...

Запела отрывисто сойка,
Чирикнула птичка в траве.
Пел дрозд
На сосне высокой.
Сова прогудела в дупле.

Я ждал.
И глядел с опаской
В вечернюю синеву...
Какая страшная сказка,
Придуманная наяву!

Ночь расставляла сети.
Мерцал на столбе плафон.
Приехали шумно соседи,
Включили магнитофон.

* * *

Отлетела
Ближнего душа.
Мы несли безжизненное тело.
Скорбно
Шли мы.
А душа летела
В небесах прозрачных не спеша.
Мы же —
Шли и думали,
Что это
Облаков струился легкий свет...
И от ветра —
Колыханье веток.
В синем небе —
Самолета след...

* * *

Снег, переходящий в ночь,
Мостовые и дома.
Он, гонимый ветром прочь,
Снег последний твой, Зима!

Снег, переходящий в дождь —
Звон капли поутру...
Снег, переходящий в дрожь,
Снег, стоящий на ветру.

Снег. А может быть, не снег.
Снег не может так идти.
Заблудился человек,
Ищет сам себя в пути.

Снег...

* * *

Ты утверждал, что прав —
А ты спроси у трав,
Спроси у певчих птиц,
У скачущих зарниц.
Штурмуя ширь и высь,
На миг остановись.
Спроси у тополей
О правоте своей.
Ты мир преобрази,
Но все-таки спроси.
Ты у родных долин
Спроси как верный сын,
Не возгордись, спроси
У капельки росы.
Спроси у гулких рек...
На то ты — Человек.

* * *

Вновь улицы стали белить.
Весь город как будто больница.
А ну, у кого что болит?
Скажите, не надо таиться.

Сегодня писать я готов
Рецепты на листиках клена.
Вам — свежести майских ветров!
Гуденя ручьев, перезвона.

Еще ароматов степных,
Кореньев и ягод целебных,
Куда-то бегущих, земных,
Бессчетных тропинок рассветных.

Туда — где тюльпаны цветут,
В поля, по мостку и — за реку.
А люди рецепты берут,
Бегут... по привычке в аптеку.

* * *

«Мещанин во дворянстве» —
Комедья Мольера.
Нет билетов. Аншлаг.
Послезавтра премьеры.

Шлют записки. Звонят.
— Ах, сердечный приветик!
Лев Лукич, дорогой,
Если можно, билетик!..

Из продмага Багров.
Нечитайло из треста.
— Середина. Партер.
Запишите два места.

Завстоловой Н. Шлак.
Парикмахерша Вера.
Нет билетов. Аншлаг.
Послезавтра премьеры.

Чей-то бас именит,
Чей-то голос потоньше.
...Деду, внучке, сестре,
И невестке, и теще.

Телефонят с утра,
Жмут всю на педали;

— Был вчера гарнитур,
Вы себе не достали?

— По секрету — для вас!
Заграничные люстры.
Нити из хрусталя —
И звенят, и не бьются!

— В свою очередь, вас
Не оставим в обиде...
— Обещают ковры...
— В среду будет Овидий...

Нет билетов. Аншлаг.
(Это так, для примера...)
«Мещанин во дворянстве» —
Комедья Мольера.

В зале ожидания

Мы в зале ожидания,
В руках у нас билеты,
Одеты по-весеннему,
По-зимнему одеты.

У всех дорога дальняя:
Одним лететь на Север.
Другим — на отдых к Черному —
По пляжам да музеям.

Мы в зале ожидания.
Мы снова ждем погоды.
Здесь коротаем ночи мы,
Встречаем здесь восходы.

Что нам сулят синоптики —
Какие перемены?
Какие дарят новости
Нам чуткие антенны?

Мы в зале ожидания —
Мы все куда-то едем.
Под крышею просторною
Мы вроде бы соседи.

Вновь рейсы отменяются,
Понятная досада.

Присядем поудобнее
И будем ждать до завтра.

Мы в зале ожидания
И сон у нас не крепок.
Ведь скоро пробуждение
Цветов и шумных веток!

В снегу площадка взлетная.
А с неба сыплет крошево...
Мы в зале ожидания
Чего-нибудь хорошего.

Новоселье

Спасибо! Вселился. Квартира.
Досталась нелегкой ценой.
Все звуки огромного мира
Слышны за бетонной стеной.

Соседа внушительный голос,
В гостиной — дневное кино.
Цветет у окна гладиолус...
И с видом на небо окно!

Из цикла
«Пять минут Хиросимы»

* * *

Я спрошу:

— Хиросима,

Расскажи, что там было?

И она мне ответит:

— Пять минут после взрыва

К эпицентру бежали любопытные люди.

Рыбаки и портные,

Дровосеки и судьи.

Старцы и молодые к эпицентру бежали,

Возбужденно и жарко горожане дышали.

— Что случилось?

— Взорвали какую-то бомбу!

Чертыхались,

Взывали к пропавшему богу.

Взяв детишек, бежали,

оставив работу...

Им казалось, случилось интересное что-то.

И слепой вопрошал:

— Что там было, мальчишка?

Поводырь отвечал:

— Очень яркая вспышка!

Я увидел ее, и в глазах зарябило

И темно до сих пор...

Что же все-таки было?

И бежали, не видя ничего под собою,

Мальчуган и старик тот

За кричащей толпою.
Кто бежал просто так,
Кто в пылающий, дымный
В дом родной,
В свой очаг,
Кто-то мчался к любимой.

Все узнали потом...
А пока что
Вначале
Люди, споря, крича,
К эпицентру бежали.
Голоса их тонули
В адском пламени,
В пепле...
Прозревали слепые,
А зрячие слепли.

* * *

Джон Гибсон изучает страх,
Его различное влиянье
На сон,
На память,
На вниманье,
На цвет пигмента в волосах...

Джон Гибсон изучает страх,
Фиксирует события лента —
Страх осени, зимы и лета.
Страх конгрессмена и студента,
У безработного в глазах.

Вот бомба атомная — трах!
И крик сирен, и чья-то рента.
Миг до убийства президента —
Джон Гибсон изучает страх!

Дан предприятию размах:
С телеэкрана, как Иуда,
Целует жутковатый страх...
В цветах, в улыбке Голливуда,
На полигонах и мостах —
Джон Гибсон изучает страх.

А люди на материках —
Пробирок и мензурок грома,
Лабораторная посуда...

Страх будет властвовать, покуда
Джон Гибсон изучает страх!

* * *

Созрело яблоко, повиснув надо мной.
Иные думы,
Век сейчас иной.
Не претендуя выбиться в Ньютоны,
Произношу в догадке озорной:

А если в нем
 скрыт механизм взрывной?
И счет сейчас идет на мегатонны...
Созрело яблоко и упадет вот-вот,
Поистине оно — запретный плод!
А сколько их
 висит со всех сторон —
Под листьями плоды те прячет крона...
Собрал бы кто. Нашелся бы Ньютон.
Но выведен давно закон Ньютона.

Будда — укротитель змей

*Новая война отбросит человечество на
миллион лет назад*

После ядерного взрыва
На ладонях мудрой Геи
Разбегаются игриво
Змейки и большие змеи.

Над землю змеи-ветры,
Над водой змеится рыба,
На деревьях змеи-ветви
После ядерного взрыва.

И стоит, змеится древо
В пустоте над райским садом:
Это вам, Адам и Ева,
Жуткий плод с незримым ядом.

Вы его скорей сорвите,
Раскалите в звездном тигле.
Разломите и вкусите,—
Ну, теперь вы все постигли.

Ваши волосы змеятся,
Словно змеи ваши руки.
Перестали вы смеяться,
Обрекли себя на муки.

Вы проснулись на рассвете,
Стало в доме сиротливо:

Тени эти —
Ваши дети
После ядерного взрыва.

Долго будут жалить змеи,
Тыщей жал сердца пронзая.
Оглядите взором землю:
Больше нет земного рая.

Над змеистыми ветвями
Пролетает змеептица,
Вьется, вьется змеепламя...
Долго это будет длиться.

Но придет однажды Будда,
Бог, играющий на флейте.
Флейты звук — такое чудо,
Укрошает кобру смерти.

Заиграет, заиграет,
Улыбнется бог лукавый.
Флейты звук затянет раны,
Исцелит земные травы.

И ступая по долине,
Будет он играть на флейте.
В древнем бронзовом кувшине
Он упрячет кобру смерти.

Побегут отдельно звери,
Поплывут отдельно рыбы.
Распахнутся солнцу двери
У высокого обрыва.

Белые людские кости
Он польет живой водою.

Мира вам!
Входите, гости,
Встаньте вновь семьей одною.

Поклонившись низко Будде,
В сад войдут Адам и Ева.
И опять застынут люди
У таинственного древа.

Утром,
Лишь пригреет солнце,
Расцветут сады в долине.
И возникнет. Шелохнется
Тень на бронзовом кувшине...

* * *

Журавли
Пролетают весной
Над Хиросимой
И Нагасаки,
Будто сделаны
Детской рукой,
Будто вырезанные
Из бумаги...

Японские ловцы жемчужин

Вы — ловцы
Невиданных жемчужин.
Вы — пловцы,
Вам свежий воздух нужен.
Страшная
Под вами глубина...
В глубине жемчужина видна.
Острые клыки подводных скал...
Повезет —
Жемчужину достал.
Нет, и ты, как рыба,
Брюхом вверх,
У ловцов жемчужин
Краткий век.
На ладонях — рыба чешуя,
Воздуха дрожащая струя.
Легкие наполнить
И нырнуть,
Снова повторить
Опасный путь.
Мы — ловцы
Невидимых жемчужин,
Мы — певцы,
Нам тоже воздух нужен.

* * *

Мертвый ельник.
Лес — горельник...
Он похож на поле битвы
Незапамятных времен.
Крик картавый и молитвы
Черных, плачущих ворон.
Это что же?
Отчего же —
Мгла обугленных стволов?..
И слова сгорели тоже,
Не осталось больше слов.
Я застыл, оторопел,
Пред руинами дерев.
Лес истлел давно, когда-то,
Неизвестна точно дата,
Пять иль семь годов прошло.
Но земля, морозцем сжата,
Пахла дымом горьковато.
Шло зловещее тепло...
Что-то тлело,
Что-то жгло.

Художник из Сполето

Счастья не требую, ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду.
Где ты срываешь цветы,— и люблю!

А. Блок

Ты, Моцарт, бог!

А. Пушкин

Чего, чего ты ждешь, Художник,
Спеша на пристань день-деньской?
Мольберт поставлен на треножник,
Ты встречи ждешь с волной морской!

Ты ждешь, когда волна морская
Взойдет из грозной темноты
И, как натурщица нагая,
На миг предстанет, повторяя
Сполетских девушек черты!

На старой пристани треножник.
И волны мчатся на песок.
Здесь город храмов. Ты — безбожник,
Ведь ты — Художник. Сам ты — Бог!

Девочка на шаре

Девочка на шаре у Пикассо
Длиннонога,
Большерота
И глазаста.
Что за мир живет в ее глазах?
Бедность,
Беспросветность,
Вечный страх....
Нет, девчонка видит апельсины,
Балаганы, рынки, магазины,
Город, озаренный и красивый,
С медными монетками в руках.
Девочка на шаре у Пикассо
Объявляет нам, что жизнь прекрасна
И на шаре можно устоять.
Мы должны ту девочку понять.
Это трудно, но куда же деться,
Очень трудно возвратиться в детство.
Вот смешная кружится опять.
Мы стоим и дружно бьем в ладоши,
Мы стоим на этом шаре тоже,
Беды начиная забывать.
Подождите,
Дайте отдышаться!
Больше невозможно удержаться!
Тусклый свет.

Больничная кровать.
Гаснут на прилавке апельсины,
И давно закрыты магазины.
Девочке, наверно, время спать.
Что-то шепчет пьяное художник,
Старый неудачник и безбожник,
Водка — это пагубная страсть...
«Не столкнули бы, не помешали
Удержаться девочке на шаре,
Только бы не дали ей упасть».

Болезнь друга

Памяти Рауфа Галимова

Из костей вымывается кальций.
Милосердья не жди от недуга.
Стали вдруг неподатливы пальцы...
Я гляжу с содроганьем на друга.
Как томится в ночи, как страдает.
В сердце — боль, разоренье, разруха.
И хотя, словно льдинка, он тает,
Не теряет присутствия духа.
Запретили врачи улыбаться,
Можно только чуть-чуть, осторожно...
Постоять у окна, отдышаться,
Но дышать глубоко невозможно.
Он газету берет. Он читает.
В курсе всех новостей и событий.
Волноваться врачи запрещают.
Отвечает он им: «Извините!»
Он сжимает холодные губы,
Водит жестким пером, не сдается.
В сердце друга глубокие гулы...
О как молодо сердце то
бьется!

Можно жить не терзаясь, не мучась,
Не тревожась и не беспокоясь,
Принимая последнюю участь,—
Но тогда вымывается совесть.

Сад камней

Есть в местном парке
Скромный сад камней.
Гранит на солнце скупое серебрится.
А на граните —
тысячи теней.

Ладони,
Плечи,
Лица, лица, лица...
Вот профиль юноши,
А это — был старик.
Тут стон запечатлен. А это — крик.
Цветок.
А это женщина была.
А это — блеск оконного стекла.
Смеется малолетнее дитя.
А это — струи летнего дождя.
Мельканье
крыльев пролетающих птиц.
На камне отблеск рук, ладоней, лиц...
Здесь ищут тени близких и друзей.

Спешат сюда туристы, как в музей.

Холодный камень —
Хоть рукою тронь.
Растаял пепел.

Отпылал огонь.
Останься здесь с собой наедине.
Не шелохнутся тени на стене.
Тогда
Чужая боль
Своей больней...

Задумайся,
Входящий в сад камней.

Новый Гамлет

Играет Гамлет на гитаре,
Законы классики поправ.
Ах, как он шпарит, как он шпарит,
И в чем-то, видимо, он прав.

Полушутливые куплеты
Понятны сердцу и уму,
Их современные поэты
Сложили весело ему.

Поет. И сам себя пытается
С привычной бледностью лица.
Играет. И над ним витает
Шекспира тень, как тень Отца.

Он — Гамлет. И уже не Гамлет,
Когда Офелию зовет.
Он снова медлит. Но регламент
Эпохи новой признает.

Он внемлет жизни, внемлет праху,
Всему приходит свой черед.
И на гитару, как на плаху,
Он тихо голову кладет.

Плач жизни.
Хироси-ма,
Звук ма-а-а.
А удвоенный —
Мама!

Хи-росима,
Смех смерти:
Хи-хи...
Вакханалия мертвых
И ужас живых.

Хиросима.
В звучании слова
Бесконечное эхо
Страданья.

Прощенье

Ты простила?
Твой траур пророс на газонах травой.
Небо синее.
Самолеты парят день-деньской.

Ты красива.
Ты ждешь благодатных снегов и дождей,
Хироснма,
Ты можешь рожать и баюкать детей.

Зреет слива,
Розовеют кусты за окном.
Ты простила?
Во сне тебе снится Содом...

Ты простила,
Что было,
Что есть
И что будет потом,

Хироснма,
Ты простила?

Песенка для госпожи Като

Сорок тысяч бумажных журавликов
Не успел еще сделать никто...
Как собрать их из листиков маленьких
Учит нас госпожа Като.
Говорит нам японская женщина:
— Если б только рожать я могла,
Ровно десять детишек, не меньше бы,
Обязательно родила!..
Вот кладет она в сторону ножницы,
Вот сгибает бумагу рукой —
Крылья у журавленка топорщатся,
Вот на нитке один, вот — другой.
И журавлики белые, синие
Осторожно летят со стола.
— В год трагедии над Хиросимой
Я подростком была...
Эта женщина,
 женщина маленькая
Снова лист из тетрадки берет —
Уверяет она, что журавлика
Сделать легче, чем самолет.

* * *

Мамонты... Но что случилось с ними?
Вымерли они или погибли,
Задохнулись в пламени и в дыме,
Или стрелы чьи-то их настигли.

В поисках тепла, воды, травы ли
Шли они сквозь стынущие ливни,
На прощанье мамонты трубили...
В мерзлоте веков белеют бивни.

* * *

Да, это так — на Марсе жизни нет.
Пески. Пески. Коричневый рассвет.
Печалимся... Но сказка не забыта.
Ступаем, пилигримы звездных лет,
И шепчем беззаветно: «Аэлига...»
Пустынно. Тихо. Сколько ни кружи,
Каналы Марса — это миражи,
Качнется зыбь, и перед нами зримо
Строения возникают. Этажи.
Гриб огненный, смертельный. Хиросима.
Планету поглотили силы зла.
На пробу грунт. В нем уголь и зола.
Когда-то, в прошлом, Марс не звался Марсом,
Здесь жизнь была игрива и светла,
И не один здесь город возвышался.
Умыт дождями с четырех сторон,
В учебниках имел другое он —
Красивое и звучное название.
Там в окруженье мраморных колонн
Стояли ослепительные зданья.
Он был собратом эллинской красы,
Текли прозрачны реки и чисты,
Сродни маслинам там росли деревья.
И солнечные точные часы
Веков бегущих измеряли время.
Покамест не разведано, когда

Однажды содрогнулись города
От злобы, от жестокого разгула...
Раздоры и безумная вражда
Сынов планеты этой захлестнула.
Кружился пепел, как последний снег...
Да не случится с нами этот грех!
Земля да не покроется золою,
Обитель всех страданий и утех,
Пусть Земля останется Землею!
Пусть свое название сохранит.
В песок да не рассыплется гранит,
Бегущая река не испарится,
И роковой да не свершится миг,
И не сотрет прекраснейшие лица.

* * *

Как заклинанье,
Как ворожба:
Сгори, исчезни,
Растай, вражда!
Вражда народов,
Вражда племен,
Как день ненастный,
Как страшный сон.
Угрюмо шепчет
Седая мать:
«Всех потеряла.
Где отыскать?
Два сына было,
Как два крыла.
И я летала,
Их берегла.
Два сына в битве
С врагом легли.
Вдали от дома.
В чужой дали...»
Ей отвечает
Младая мать:
«Враг не посмеет
Детей топтать.
А будет битва —
В чаду,

В аду
Сын уничтожит,
Убьет вражду»
Одно желанье,
Одна судьба,
Как заклинанье,
Как ворожба:
«Сгори,
Исчезни,
Растай, вражда.
Вражда народов,
Вражда племен.
Как день ненастный,
Как страшный сон.
Не растеряться,
Не опоздать,
Неколебимо
На том стоять:
СГОРИ, ИСЧЕЗНИ,
РАСТАЙ, ВРАЖДА.
УЙДИ БЕССЛЕДНО.
СГИНЬ НАВСЕГДА!

ЗИМНИЕ ДЕРЕВЬЯ

Снежная зима

За окном зима какая! —
Снег сегодня, снег вчера...
Не зима, а всем родная
Милосердия сестра.

Не жалея бинтов и ваты,
Забинтуй, перевяжи
Все рассветы, все закаты,
Переулки, этажи...

Все дороги, все деревья,
Крыши, окна, фонари.
Холодя снежком и грея,
Щеки живо разотри!

Снег идет необозримый —
И бодрит, и лечит нас.
Благо, есть такие зимы
У природы про запас.

Скворечник

В гомоне предвешнем, в феврале
Я прибил скворечник на стволе.
Получился вылитый дворец —
Прилетай скорее, мой скворец!
Всей семьей вселяйся, не робей.
Прилетел, чирикнул воробей.
С воробьиной прыгнул на крыльцо.
Вот им — обручальное кольцо.
Вот им ордер, конкурентов нет.
На кормушке свадебный банкет.
Пусть живут! Все вроде ничего,
Лишь скворца не видно моего.
— Не грусти! — кричит мне воробей.
Сколько бед промчалось, сколько дней.
Подсоблю трудяге воробью,
Починю, дощечку подобью.
Мало ли в саду каких забот...
Воробей в скворечнике живет.

А скворца поныне сердце ждет.

* * *

Теорема о двух параллельных прямых.
О глазах и ладонях твоих и моих,
О бегущих по снегу горячих следах,
О словах. что сказать не успел впопыхах...

Значит, встретиться нам невозможно почти:
В бесконечности сходятся наши пути.
Пусть плывут облака надо мной, над тобой,
Бьется глухо о скалы вечерний прибой...

Ты, подумав об этом, чуть-чуть погрузи:
В бесконечности сходятся наши пути.

Через горы и реки, пески и сады —
Путь сверяя по свету дрожащей звезды...
Чистым полем и лесом, сквозь ветер и дождь —
Подожди меня, если вдруг первой придешь.

Нам одно остается — идти и идти,
В бесконечности сходятся наши пути.
И увидеться вновь... И слова досказать.
Вот и все. Что и требуется доказать.

Дети природы

Посеешь ветер — пожнешь бурю.

Пословица

Понимаю тебя, непогода,
Понимаю до боли в груди
Все в течение этого года
Снегопады, туманы, дожди...
В январе — то капель, то морозы,
В мае — снег две недели подряд,
В декабре прогремевшие грозы
И в июльском саду листопад...
Зной засушливый и наводненья.
Треск ломаемых стужей ветвей,
В небесах перепады давленья
Чую гулкою кровью своей.

Понимаю тебя, непогода,
Слышу голос летящей волны...
В людях та же бушует природа,
Мы в единый клубок сплетены.
Понимаю твое беспокойство.
Сохнут губы. Трепещет листва...
Таково материнское свойство —
Мать-Природа, конечно, права.
Мы ее повзрослевшие дети,
Все же дети. Играем с огнем.
Сеет ветер в полях. Дует ветер.
Ну, а бурю еще мы пожнем.

Лесное озеро

из цикла «Тюмень»

Лесное озеро, лесное...
Манящее голубизною,
И чистотой, и глубиной,
Лесное озеро, лесное,
Секретом поделись со мной,
Как ты стоишь тут без опаски,
Ласкаемая ветром гладь,
Без страха стать трясинной вязкой,
Болотом квакающим стать?

Лесное озеро, лесное,
Лучистый излучая свет,
Волной плеснуло озорною,
Змеясь, промолвило в ответ:

— Ужели, друг, скажи по чести,
В тени ветвистых берегов
Ты счел, что я топчусь на месте
Для отраженья облаков!

Весной в меня ручьи впадают,
Бурлят снега и льдины тают,
Ключи глубокие питают,
Круша губительный покой,

И чтобы стать самим собою,
Восстать над низостью любовью,
С какою радостью и болью
Я от себя бегу рекой!

* * *

Снега первого белый конверт.
Лаконичные строки письма:
«Добрый вечер!.. Сердечный привет...
Буду скоро. Целую. Зима».

* * *

Эта линия разлома
От угла и до угла
По стене жилого дома,
Угрожая, пролегла.

Дом починят. Перестроят.
И забелится стена.
Но иное беспокоит.
Замечаю: как темна

По стене жилого дома
От угла и до угла
Эта линия разлома
Между нами пролегла...

* * *

Бегу куда-то, тороплюсь,
Что это?
Минус или плюс?
А на исходе век двадцатый...

На городских часах
Распятый,
Я жду тебя.
Тебя все нет.
Тебе — шутнице — двадцать лет.
А на исходе — век двадцатый.

Не твой избранник, а другой,
Пока отвергнутый тобой —
Немного смутный,
Угловатый.
А на исходе век двадцатый.

Письмо мое придет назад
С пометкой: «Выбыл адресат».
Ответь,
Уехала куда ты?
А на исходе век двадцатый.

Сжигаешь запросто мосты,
И переходишь с «вы» на «ты»,

И разрубаешь все канаты.
А на исходе век двадцатый.

Не знаю я, ты с кем и где,
Но знаю я, что ты — в беде,
В тебе замашки Клеопатры...
А на исходе век двадцатый!

Сиянья тайного полна,
Ты суматошна и вольна.
Понять не хочешь —
 как нужна ты!
А на исходе век двадцатый!..

Запряталась, черт побери,
Хоть счетчик Гейгера бери
И лайнер оседлай хвостатый.
А на исходе век двадцатый.

В дороге сильно разозлюсь,
В другую женщину влюблюсь,
Пожалуй, жди моей расплаты...
А на исходе век двадцатый.

А твой столичный музыкант,
Карьеры чувствуя закат,
Сверкнет лишь
 зубчиком,
 фиксатый...

— Адью,—
 воскликнет.—
 Век двадцатый!

Из дома вызволю беду
И вместе с нею сам уйду,
Как будто в чем-то виноватый...
А на исходе век двадцатый...

Какая ширь,
Какая высь —
Нам не сойтись,
Не разойтись.

А шар земной голубоватый,
И на исходе век двадцатый!

Куплю я сборник наших лет,
Скажу: «Спасибо, друг Поэт,
Тебе за то, что не солгал ты».
А на исходе век двадцатый.

Продолжу с другом давний спор:
Спрошу я, выйдя в коридор:
— Кто мы?
Творцы или солдаты?
А на исходе век двадцатый.

Цветет на улицах сирень.
Возьму букет,
К тебе скорей
Помчусь, как пламенем объятый.
А на исходе век двадцатый.

Река

Сквозь город река протекала.
Текла, чуть синее, река.
Зимой и над нею, бывало,
Маячила тень рыбака.

Но рыба недавно пропала...
В реке не найти ни малька.
И все же река протекала,
В бстоне укрыв берега.

Неслышно текла, еле-еле.
Шептала река: «Помоги...»
Во взоре ее соловели,
Темнели мазута круги.

А ныне зима лютовала,
Вздымала лихие снега.
Но льдом берега не сковала.
Стояла недвижно река.

Не знаю, что с речкою стало,
Но только в ту зиму, тогда
Три месяца не замерзала,
Чернела речная вода.

Зимний сон

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...

А. Блок

Я увижу тебя в подвенечном снегу.
Ты окликнешь — и я
Побегу, побегу.
Ты окликнешь меня
Подобру, поутру.
Не замерзнут слова на морозном ветру.
Древний лес
Белый весь,
Как чудесный дворец.
И зима
Нас сама
Поведет под венец.
Это мы, и пойми,
Никуда не свернуть
И цветами зимы
Будет выслан наш путь.
Мы помчимся с тобой
В голубую пургу —
Я увижу тебя в подвенечном снегу.
И тогда не во сне —
Наяву, наяву
Я невестой тебя
Назову, пазову.

ЖИЗНЬ

На «Здрaсте!» отвечаем эхом:

«Здрaсте!..»

На счастье отвечаем смехом:

-- Счастье...

Снища ли в руке, журавлик — в небе.

Мы говорим, что счастье — это небыль...

Встречаемся и любим так,

отчасти.

А счастье нас напрасно ждет,

а счастье

В платке цветастом держится сторонкой

И блсковской мелькает Незнакомкой...

Бредем, как за водою, за бедою.

А за водой идти — ведро худое.

Вода, а в ней не то, чтобы налиться —

Видензя проступают. Лица. Лица.

Все наши обретенья и потерн.

Порой в закрытые стучимся двери.

И на исходе вопрошаем тихо:

— Скажи, приятель,

а почему фунт лиха?

* * *

А Зима слывет невестой,
Рукодельницей известной
Вышивает,
 шьет сама,
В белом тереме Зима!
Все вокруг блестит,
 искрится.
Снег скрипит,
 как половица.
Что ж не слышно
 бубенцов,
Что ж не видно
 женихов?
Сваты, что вы не поете,
Что невесту не берете?
И красива,
 и стройна —
Столько лет она одна...
У окна
 Зима присядет.
Вышивает нежной гладью...
Женихи придут.
 Скучают.
Парни грустно отмечают:
— Приглянулась бы она...
Только больно холодна!

Комната смеха. Зеркала.

Таинственные зеркала.
Толпа зевак вдоль них брела,
Решая квадратуру круга,
И смех как средство от недуга
Без колебания брала.

— Ха-ха! —
Смеялись все.— Ха-ха!
Толсты,
Круглы,
Коротконоги,
Сыты, надменны и убоги.

Как воплощение греха —
Ха-ха! —
Катился смех.— Ха-ха!

Болталась голова без лба,
Там в зеркале смеялись уши,
И тут ползли слоновьи туши,
А здесь смеялись два столба.

Веселье, пиршество, гульба.

В пучине гофмановских грез
Смеялись, хохоча до слез.

Смеялись дико,
но, представьте,
Среди изогнутых зеркал
(И тоже отраженный кстати)

Понуро человек стоял.

Он не смеялся, он молчал.

Зачем тогда он взял билетик,
У кассы терпеливо ждал?!

Среди изогнутых зеркал
Смеялись взрослые, как дети.

Они смеялись и, когда
До крика лица исказались,
Расплющивались и сжимались,
Как в муках Страшного Суда.

Воспоминание о Снегурке

Снег на пальто. На шапке снег.
Все так. Придумывать не надо.
Снегурка, ты пришла ко мне.
Из сказочного снегопада.

И по морозной мостовой
Бьют каблучки легко и гулко.
Как счастлив я сейчас с тобой,
Моя любовь. Моя Снегурка!

Но отчего же ты грустна?
Дух расставания витает...
Ты говоришь: «Придет весна,
Снегурка бедная растает...»

Ах, не шути, любовь моя.
Зачем слезинки-льдинки прячешь...
Тебя целую в губы я —
И ты не таешь, только плачешь.

Снегурка, в мой просторный дом
Входи смелей! А ты не рада...
Пришла ты, вспомню я о том,
Из сказочного снегопада...

Любовь, она всего сильнее.
Преграды яростно сметает.
Но белым ангелом над ней
Дух расставания витает.

Донецкая криница

Наклониться
Над криницей,
Зачерпнуть...
Ей нет цены —
Как сладка,
Чиста водица,
Что течет
Из глубины!
Так же слово,
Так же слово
Вдруг пробьется
В миг один
К нам из сердца
Из людского,
Из таинственных
Глубин...
И спасет
От жгучей жажды,
От печалей,
От обид.
И утешит
Не однажды,
Боль уймет
И исцелит!

* * *

Снег осунулся, темнея.
Хрупок стал и ноздреват.
Стылый март. В саду деревья
Сном объаты. Сладко спят.

Ветки яблонь розоваты.
Вишен кожица красна.
Знаю, им в начале марта
Снится ранняя весна.

Ветер ночью с гор повеял.
Воротились холода.
Спят деревья, розовея...
В лужах — синняя вода.

Утром — свет прямой и резкий.
С неба хлынули лучи.
Тормошат и будят ветки
Прилетевшие грачи!

Сосны, растущие на берегу

Сосны прямо стоят,
обнимаясь ветвями,
А иначе их
Ветер сгибает в дугу.
Ты, родная, скажи,
почему между нами
Две сосны
На песчаном речном берегу?
Это Жизни река.
Волны бурные мчатся.
И у самого края —
деревья в снегу...
Ты не так далеко,
А нельзя докричаться,
Тихоно руки тяну,
а достать не могу.
В белом платье — весна,
в желтом — дымная осень,
Рядом клены
Свою поджигают листву.
И зеленые кроны
обнявшихся сосен,
Им и солнце к лицу,
им и стужа к лицу.
И когда
Вспоминаю о нашей разлуке,

И по склону
На берег высокий бегу,
Вижу: тянут друг другу
озябшие руки

Две сосны
На песчаном речном берегу.

* * *

Саиде

Не успеваем проститься,
Выбежишь ты на крыльцо.
Где-то в дороге приснится
Снова твое мне лицо.

Будет видение кратко.
Таять, как льдинка, начнет.
Где-нибудь у полустанка
Поезд внезапно качнет.

Из цикла «Цветные дни»

* * *

Прошу,
Ты только не вини
Судьбу,
Хитросплетенья улиц;
В какие дни —
Цветные дни,
Мы разминулись,
Разминулись.

Зеленые стояли дни.
Пришли
По вешнему велению,
Листвой нахлынули они,
Цветеньем вишен
И сиреню.

И мы тогда бродили в них,
Зеленый свет
У перекрестка...
Сумел бы я
В тот самый миг
Узнать тебя,
Почти подростка!

Течение летних ясных дней.
Дни синие и голубые.

Встречаюсь.
Не с тобой, а с ней.
И поцелуй горчит впервые...

А после заалели дни,
Они, как зори, наплывали.
То зрели яблоком они,
То в небе облаком пылали.

Ты не кори судьбу,
Взгляни —
Шумит листва над мостовою.
В какие дни —
Златые дни
Мы все же встретились с тобою!

Еще вчера
Темнели ветви
Тала...
Но день прошел —
И вот уже листва
Затрепетала на ветру,
Залепетала
И прошептала
Первые слова.

Весна

Фатимке

Вот в фартуке цветущих вишен,
С чернильным пятнышком сирени,
Весна словно из класса вышла,
Едва дождавшись перемены
Погоды!
Серебристых ливней,
Друзей ручьев, жужжанья пчел.
И — в поле девочкой счастливой,
Цветы пушистые — в подол,
Увидеть, осмотреть, послушать,
Узнать, прочувствовать, понять,
В узорных туфельках по лужам
Бежать и целый мир обнять!
Шалунья, дочка-непоседа,
Капель. Звенящие кусты,
Ночная мгла и проблеск света.
Исток греха и чистоты.
Речушки голубая лента
В ее косе. Пока есть срок.
И первый колокольчик лета
Еще не кликнул на урок.

После дождя — акварели.
Сохнут на легком ветру:
Сочные почки сирени,
Стены,— совсем отсырели,—
Темно-зеленые ели...
Тропка, заметная еле,
Красные сосны в бору.

Времена года

Ты поймешь когда-нибудь сама,
Так и я однажды понял это:
Осень холоднее, чем зима,
А весна — куда теплее лета.

Рождение радости

Однажды до крика захочется,
Чтоб встретились два одиночества,
Как два корабля на причале,
Две боли сошлись, две печали...
Ладони, иссохшие губы —
Как с первым дождем Каракумы.
Однажды такого захочется —
От жажды такого захочется —
Чтоб встретились два одиночества,
Две боли сошлись, две печали,
Великою радостью стали!

* * *

Когда-нибудь и ты
Уйдешь от суеты.

Отчетливо поймешь,
Где истина, где ложь,
Где блеск и мишура,
Где завтра,
Где вчера.
Где радость, где печаль —
И ты вздохнешь:
— Как жаль...

Засветятся глаза,
И вспыхнут небеса.
Так звездно,
Даль светла —
Да поздно.
Жизнь прошла.

* * *

На берегу ты читала
Мне Блока.
Море молчало,
Вдыхая глубоко.
Слушало море,
Волну поднимало.
Море стихию его
Понимало.

Галатея

На нее смотрел, дышать не смея,
Скульптор молодой Пигмалион:
— Улыбнись и выйди, Галатея!
Стань моею. Ты — не для музея.

Был богами осчастливлен он.
Улыбнулась, вышла Галатея:
— Я твоя навек, Пигмалион!
Их связали узы Гименея.
Так и жили. Он, резцом владея,
Был делами вечно поглощен.
Статуи. Строительство колонн.
Годы шли. И мужу Галатея
Нарожала дюжину детей.

Галатея — что случилось с нею?
И сварливой стала. И глупей.
Галатея окунулась в быт:
Утром встав, стирала, убирала.
Хлопотала у кухонных плит.
Снедь на местном рынке выбирала.
Благо, муж — красив, здоров и сыт.
Купленным игрушкам дети рады.
Муж ворчит. Да что его тирады...

— Галатея...— повторял, мрачней,
Скульптор пожилой Пигмалион,—
Лучше б сдал скульптуру в Парфенон..
Ты — мое творенье, Галатея? —
С тем никак не соглашался он.
«Галатея — внучка брадобрея.
Дочь портного иль зеленщика.
Глаз косит. Раздутая щека...»
Рассуждал, богов хулить не смея:
— Я в нее когда-то был влюблен..
Незаметно для себя старея,
На жену смотрел Пигмалион:
— Ты мое творенье, Галатея!..

* * *

Небеса в оконной раме
С изразцами синевы.
Тихо в опустевшем храме.
Осень. Золото листья.
Дождь прошел. Блестит тропинка.
Черный ворон не кричит.
Паутинка-сиротинка
Вслед за птицами летит.

Счастье

Людам так необходимо,
Чтоб в дороге счастье зыбкое
Было — их не обходило
Редкою своей улыбкою.

Счастье, счастье. Не кричащее,
Как обертки, не блестящее —
Было б трудное, болящее,
Кровью добытое, настоящее...

* * *

Хочешь?
Напишу тебе письмо
С самой дальней
Из своих дорог.
То письмо дойдет к тебе само,
Долетит, как осени листок.

Будут падать
Звездные лучи.
Будет вечер.
Ты придешь домой.
То письмо
Однажды получив,
Всмотришься
В тревожный почерк мой.
Удивишься. Спросишь: «Кто же он?»
Я с тобой давным-давно знаком!
Помнишь, сумрак мраморных колонн...
Согдана. Троя. Вавилон.

Я всегда хранил твои черты.
Среди руин таинственных помпей
С каждой фрески улыбалась ты,
Становясь Единственной Моей.

Ты

В огромном городе
Живешь.
Ждешь чего-то смутно.
Ждешь письма!
Город твой
На город мой похож.
Тысячэтажные дома.

Он поднялся
На стальных ногах.
В нем
Полчеловечества живет.
Твой приют
Почти что в облаках —
За окном
Стартует звездолет...

Ты получишь летом иль зимой
Очень важное в твоей судьбе
То, с тревожным почерком письмо.
До востребования. Тебе.

Напишу: «Все хорошо пока.
Кажется, остались позади
Радиоактивные снега,
Радиоактивные дожди.

На земле любовь не умерла.
Жив ручей. Еще поет свирель.
На лугу ромашка расцвела
Строгая, как атома модель».

Это явь, похожая на сон.
Но решаюсь и тебе пишу
В глубину космических времен.
Так живу. Так чувствую. Дышу.

Представляю:
Сполохи ракет.
Гул далекий. Вечер.
Звездный свет.
Ты стоишь.

В твоих руках конверт.
А на штемпеле —
Двадцатый век.

Скорей к друзьям беги,
Вставай за них стеной!
Собираются враги,
Грозят опять войной.

Меч тайный в их руках.
Но не об этом речь...
Довольно о врагах,
Друзей начнем беречь.

* * *

Ждал не тебя.
Ты мне
Не снилась.
Но лет
Звенящая стрела
Вдруг на лету
Переломилась...
Благодарю
Судьбу за милость.
Я ждал тебя.
И ты явилась.
Я ждал тебя.
И ты пришла.

Белые ночи

Шпиль золотой и ограда.
Серый гранит и Нева.
Белых ночей Ленинграда
Шорохи. Всплески. Слова.

Был я во власти видений,
Близости белых странц...
Белые шапки сирени,
Белый наряд выпускниц.

Тени исчезли... И молча
Спрячься, попробуй, в тени —
Белые-белые ночи,
Нам заменявшие дни!

Шла ты и не исчезала,
Не пропадала во тьме.
Улица возле вокзала.
Пушкин сидел на скамье.

Словно на цыпочках к дому —
Мы не мешали Ему.
Что там поэту родному
Виделось в белом дыму...

Листьев цыганские очи,
В окнах слепые огни.

Белые-белые ночи,
Нам заменявшие дни.

Медленно до остановки,
Час, или два, или три —
Над тишиной Пискаревки
Отсветы алой Зари...

В радости светлой, в печали
Сколько бродили вдвоем,
Ночь до утра провожали
И засыпали лишь днем.

Но становились короче,
Мглой затянулись они:
Белые-белые ночи,
Нам заменявшие дни!

Микеланджелловские облака
Проплывают дальше... Сквозь века.
И пока есть в мире род людской,
Дождь искусства льется золотой!

* * *

Скромна могила Северянина:
Одна плита застывшей лавой.
Спит сердце здесь, что было ранено
Любовью, болью, горькой славой..

Живой строкой из однотомика
Вдруг поднялась порою всшнейо
И расцвела здесь ветвь шиповника
Красой колючею и нежною.

Влюбленный ветер

На улицах пустынных ветер
Искал неведомо кого.
Ждал допоздна. Бродил. Не встретил,
Наверно, друга своего.

Вздыхал. Стучался громко в двери.
В оконный бился переплет,
Он потерял — но все не верил,
Все думал, что опять найдет.

В ночи, разбуженные ветром,
С тобой молчали мы. И вновь
Угадывали в чувстве этом
Неразделенную любовь.

А ветер словно юный Вертер
Бродил по сонным мостовым.
Страдал и звал кого-то ветер,
Гремел железом листовым.

Скрипела дверь. Звенели окна.
Дул ветер. Только и всего.
Нам было тоже одиноко
От одиночества его.

* * *

Ты думала: «Переживу.
Все кончено. Возврата нет...»
Тревожа в полночи
Листву,
В твоём окне метался свет.

Среди крошечной темноты
Огня слепого торжество.
Ты жгла мосты,
Ты жгла мосты,
Не оставляя ничего.

Но вышло все наоборот...
Скажи теперь начистоту:
Ты знала,
Он к тебе придет
И по сожженному мосту.

Зов журавлиный

Самолет над облаками
Набирает высоту.
Огоньками, огоньками
Прорезает темноту.
Города — аэропорты.
Звуки гулкые слышны.
Пролетают самолеты.
Ни секунды тишины.
Но на что это похоже —
Из ночной глубокой мглы
Долетит и растревожит
Странное: «Курлы-курлы...»
Радостью необъяснимой
Переполнит сердце вдруг
Звук долинный, журавлиный,
Принесенный ветром звук.
Птицы выше — звук все тише...
И глаза твои светлы —
Ты услышал! Ты услышал
Ясное «курлы-курлы...»
Это из далеких странствий
Возвращенье в отчий край.
В нем задиристое «Здравствуй!»
Не осеннее «Прощай!..»
Что-то важное обрел ты,
Птицы что-то принесли...
Осторожно, самолеты,
Пролетают журавли.

ЗЕМЛЯ — ЗВЕЗДА

Землевозращение

Кружится, кружится
Наша Земля —
Гнутся, шумя на ветру, тополя.
Птицы летят. Опадает листва.
Кругом, все кругом идет голова!..

Рядом была ты, почти предо мной,
Облаком светлым прошла стороной.
Шли мы навстречу...
Да вот не учли
Этой стремительной силы Земли.

Древней Земли
Центробежная сила
В разные стороны нас относила!

В поле ромашка цвела, отцвела —
Ветру свои лепестки отдала.
Ветру потеха. Их ветер унес.
Плакала тихо ромашка без слез.

Кружится, кружится
Наша Земля.
Кружевца, кружевца —
Реки, поля —

Белое поле. Река голуба.
Кругом, все кругом идет голова...
Рядом была ты, почти предо мной,
Облаком светлым прошла стороной.

Шли мы навстречу... Да вот не учли
Этой стремительной силы Земли.

Древней Земли
Центробежная сила
В разные стороны нас относила!

Живет на свете человек,
Не ищет выгод,
Который год, который век
Он ищет выход

Из небытья. Он рвется вновь
В огонь, в сраженье.
Из нелюбви своей — в любовь,
В преображенье.

Фантаст. Он строит дивный мост
С земли до неба.
Рукой коснуться хочет звезд,
И это — кредо.

Круг солнечный над головой,
Есть хлеб. Жилище,
Скрыт где-то ключик золотой...
Его он ищет!

Он ищет потайную дверь —
Где та картина?..
В пучине бедствий и потерь
Он — Буратино.

Он медленно выходит из
Оцепененья,

Когда собьет лепной карниз
Землетрясенье.

Гудит земля в руках творца,
И слабым — дурно.
Он видит контуры Дворца
В начале штурма.

Беспечен. Юн.
И мрачен. Стар.
Глаза навькат.
Он ощутил, что здесь пожар,
Он ищет выход.

Он мчит из двери в дверь, трубя,
А комнат — тыщи.
Он ищет самого себя,
Тебя
Он ищет.

Бьет кулаком,
Но там — бетон,
Кровь струйкой льется...
Он падает и стонет он,
Но не сдастся!

И мы пока его пути
Не подытожим.
Он хочет все-таки найти,
Найти он должен.

* * *

Природа, нас возрастившая...

Современник, ты — мой собеседник,
Чем встревожен, молчишь отчего?
Приглашаю тебя в Заповедник,
Ты входи без боязни в него!
Здесь ручей самый чистый струится,
Здесь листва не устанет шуметь.
Здесь поют полным голосом птицы,
Ест горстями малину медведь.
Все вокруг говорит о доверье —
Светлый лес с островками цветов,
Не боятся здесь птицы и звери
Человеческих громких шагов.
Ты не держишь за пазухой камня,
Из кармана не вытащишь нож,
Не поставишь силка и капкана,
Лося ты никогда не убьешь.
Вот растет горицвет. Вот — бессмертник.
Это — мятлик — неброский цветок.
Приглашаю тебя в Заповедник,
Выпей влаги студеной глоток...
А отсюда ты выйдешь добрее,
Мир зеленый всем сердцем любя,
И до самой дороги деревья,
Как родного, проводят тебя.

Каменная книга

Каждый камень в горах —
Это книга прошедших веков.
И слагали ее
Руки солнца и гулких ветров.
Выводили в ней строки
Дожди и лихие снега.
И обложкою стали
Гудящей реки берега.
Это повесть о жизни
Тропинок отвесных и скал
И легенды о тех,
Кто высокое счастье искал.
О неизвестных певцах,
О встающих с зарей пастухах,
О цветущих на камне
Горячих багряных цветах.
Топот грозных коней,
Дым и жгучее пламя костров
Отпечатаны в ней —
Это книга прошедших веков.
Колыбельной напев,
Смех младенческих шумных забав.
И последняя песнь —
Запах горьких целительных трав...
Сколько надо идти,
Отстоять благородство и честь,
До вершины дойти.
Эту древнюю книгу прочесть.

Средняя Азия

Хочется рисовать...

Краски бы выплеснул сразу я —
Как мне красу твою передать,
Милая Средняя Азия!

Синяя краска сейчас мне нужна.
Аквамарина поярче мне,—
Чтобы явилась твоя глубина,
И осветилась твоя старина
Утром лучами горячими.

Вновь предо мной — Самарканд, Бухара.
Даль беспредельная, ясная...
Зной саратана — степная жара.
Веют прохладой твои вечера.
Азия — пестрая, разная!
Как ты заботлива, как ты щедра:
На дастархане фруктов гора.
Шкурка граната атласная.

Красная краска сейчас мне нужна,
Чтобы отливами плавными
В море садов расцвела Фергана,
Стала родная долина видна.
Ты улыбнулась мне, чуть смущена,
В горы зовя за тюльпанами.

Сонно бредут по джейляу стада...
Вижу я в зелени всадника.

В небе зеленая светит звезда,
Лист озаряя хлопчатника.

Желтая охра сейчас мне нужна:
Солнце встает над барханами.
Звон колокольцев, дутара струна...
Дальше иду с караванами.

Сказки твои и легенды твои
Хочется мне пересказывать.
Краски свои мне на миг подари,
Милая Средняя Азия!

Синий Самарканд

Храни, мой город, синеву,
Как в это утро:
Луч первый колыхнет листву
Светло и мудро.
Росинка вспыхнет на цветке.
Свет синий-синий...
Река синеет вдалеке,
Струясь долиной.
Вот грома синего раскат
Сирень ломает.
Мой город — синий Самарканд,
Не уставая
Храни арыков баловство,
Вершин соседство,
Храни крупицу моего
Смешного детства.
Храни, мой город, синеву
Ветров и веток.
Не дай разрушить никому
Свой заповедник.
Храни сиянье куполов,
Синь минарета.
Храни в звучании веков
Строку Поэта.
Чтоб не затмила пыль дорог
Небесной сини.
Чтоб подступить к тебе не смог
Песок пустыни.

* * *

Прибавил день.
Быстрее свет струится.
Люблю
Я замечать
Приход весны
И наблюдать,
Как расцветают лица —
Еще вчера
Суровы и темны.

Неоконченное стихотворение

Одна строка. Такая малость.
Найти и зачеркнуть опять.
Мне оставалось, оставалось
Одну лишь строчку дописать.

Была весна. И свет струился.
И вот из-за одной строки,
Шумели на деревьях листья —
Черновики, черновики.

Под знойным солнцем сад пылился
И зерна делались крепки,
Грубели на деревьях листья —
Черновики, черновики.

Среди стволов туман клубился.
Мутнели осени деньки.
Желтели на деревьях листья,
Как старые черновики.

Найду строку, уверен в этом.
Придет апрельское тепло.
Ну, а пока глубоким снегом
Стихотворенье замело.

* * *

К мировой причастен тайне,
Как деревья, как трава.
Все желанней, все случайней
Обретенные права.

Ручеек течет, струится.
Бьется жилка на виске.
Жизнь... Слезинка на реснице.
Жизнь... Росинка на листке.

* * *

— Синицы, а откуда вы?

— Из синевы,

Из синевы...

— А вы откуда, снегири?

— Мы из морозца и зари...

— А ты откуда, стынь-река?

— Из родника.

Издалека...

— А ты, рассвет, откуда встал?

— Из горных круч,

Из серых скал...

— А ты, любовь моя, откуда?

— А я из Чуда,

Я из чуда!..

* * *

Что смерть или иная жуть,—
Сады покрыты белой пеной,
И на земле и во вселенной
Все в мире утверждает: будь!

Цветущей веткой — Млечный Путь,
Плывет морская черепаха,
Летит из дальних странствий птаха,
Волнуется девичья грудь.

* * *

Благословенный месяц — март.
Прозрачность неба —
Ясность взгляда.
И ты читаешь: месяц — старт.
И, значит, сетовать не надо,
Перелистай весь календарь
За этот год, но месяц — финиш,
Как ни старайся, не увидишь,
Перелистай весь календарь.
Благословенный месяц — март.
С ветвей грачи взлетают бойко,
Как в рассыпную из-за парт,
Лишь прозвучит звонок с урока.
Круг стадиона. Гул. Азарт.
Благословенный месяц — март!
Твоя печаль. Твоя отрада.
Еще темнеет старый парк,
И не покрашена ограда.
Из губ, чуть приоткрытых, пар...
Идешь поживаясь. Зябко.
Благословенный месяц — март.
И, как сугробы, набок шапка!
Начало игрищ и проказ:
Поют коты микрорайона.
Нацелены с карнизов в нас
Сосульки — стрелы Купидона!
Благословенный месяц — март.

* * *

«Если вас не затруднит,
Передайте...» — И в трамвае
Ты руки ее магнит
Ощутишь, передавая.

«Передайте...» — говорит,
Говорит она негромко.
И куда-то вдаль глядит
Блоковская Незнакомка.

Взора синяя волна,
Звезд мерцающая бездна...
Лишь она, она одна
Правит миром повсеместно.

Легкая ее рука
Преисполнена значенья:
Царства рушатся, века
От ее прикосновенья.

Вот билет она возьмет
И, протискиваясь ловко,
Повернется и сойдет...
Что ж поделать — остановка.

Ступени

Приют веков. Шахи-Зинда.
Усопших сумрачные тени.
Хотя бы раз придя сюда,
И ты начнешь считать ступени.
Считают все:
Кто вверх идет,
Кто вниз по лестнице кирпичной...
Как объяснил экскурсовод,
Ступеньки те же — счет различный.
Наверх — выходит тридцать пять.
А вниз на три ступени боле...
Идти. Считать. Пересчитать.
Со счета сбиться поневоле.
Вокруг, куда ни посмотри:
Величье и обломков груды...
По ним на трон взошли цари.
По ним они сошли оттуда!
В глубоких трещинах карниз,
Шаги минувших поколений...
Ступени вверх,
Ступени вниз —
Какие разные ступени.

* * *

Я знаю теперь, что разлука
Страшней, чем любая зима.
Когда из пространства ни звука,
Ни слова, ни строчки письма...

Лишь эхо, звучащее глухо.
И чахнут в тумане дома...
Разруха... Разлука, разлука,
Сводящая сердце с ума!

Аральское море

Аральское море уходит
На цыпочках. Море мелсет.
Вдоль берега, как пароходик,
С утра твое платье белет.

Быть завтра горячему ветру:
Вздыхает стихия морская,
По камешку, по сантиметру
Подножье скалы обнажая.

Уступы остры и покаты,
Соленые травы поникли.
Щемящее чувство утраты —
И странно: к нему мы привыкли!

Наверно, мы тоже мельчали,
Шутя, улыбаясь, как прежде,
Смотрели и не замечали
Потери своих побережий...

Родная, где птичьи базары?
Где чашек твоих изобилье?..
Крича, улстали гагары,
Но мы безучастными были.

А волны на отмелях синих
Тянулись, как будто руками.
И вот отступили, не в силах
Возвысится над берегами.

Лишь соль заблестит на ресницах
Крупинкою грустной во взоре.
Обнять торопливо, проститься —

Уходит Аральское море...

* * *

Три сосны из школьного окна.
Три ствола мечтательному взгляду
Открывались. Светлая волна
Пробегала и ложилась рядом...

Рисовал я на тетрадке парус.
Капитана с трубкой

у руля.

Мне стволы сосновые казались
Мачтами большого корабля.
Волны тихо палубу качали,
Поднимался парус —

невесом,

Белые невидимые чайки
Полонили синий горизонт.
И пока еще не очень ясный,

Начинал все напряженной дуть
Необъятный
гулкий ветер странствий.
Увлекая за собою в путь.

Школа.

Вон за тем углом она —
Мы давно под парусом уплыли.
Что теперь в ней видно из окна?

Три сосны!
Стволы их не срубили.
А волна летящая крута.
Паруса и чайки в небе чистом,
И стоят какие-то мальчишки,
И плывут неведомо куда!

Колодцы

В глубинах памяти
Те смутные года.
Ведь что-то неизбежно остается.
Так в темноте забытого колодца
Мерцает, словно зеркало, вода,
И в ней горит погасшая звезда...
Когда горячий ветер вдруг коснется
И губ, и щек твоих.
Гармсель когда —
Клубок лучей полуденного солнца,
Я вижу, как вершит разбой орда,
Как огненная конница несется
И на пути сметает города.
И черный дым над пепелищем вьется,
В бездонном небе тая без следа...
Но что-то неизбежно остается.
Иначе как бы мы пришли сюда?
И материнской участью горда,
Струится жизнь, светла и молода.
Подует ветер. Пыль вдали взметнется...
В глубинах памяти те смутные года,
Их отзвук будто эхо раздается.
Мерцает, словно зеркало, вода,
В полночной мгле забытого колодца
Еще горит погасшая звезда.

Виноградная лоза

Хотел бы виноградною лозой
Три раза опоясать шар земной,
Чтобы, ветвясь по всем меридианам,
Росла, плодоносила неустанно.
Не иссякал дух материнства в ней.
Взошедшая в долине Зеравшана,
Она связала тысячью корней
Людские судьбы, города и страны.
Светясь янтарной влагой и багряной,
К нам на застолье позвала друзей.

* * *

Изгиб лозы намеком повторяет
Плясуньи резвой юные черты.
Как будто кто-то в бубен ударяет.
Алеют листья. Грозди налиты.
Склоняю голову перед лозой.
Она сама — призыв и ликование.
И тайна тайн. И приближение к тайне.
Лоза, что вьется девичьей косой...

* * *

Тугая виноградная лоза
Сплелась с другою на зеленых склонах.

Мерцают грозди? Нет! Горят глаза.
Переплетаются тела влюбленных.
Срубить лозу. Она весною вновь
Растет и вьется. И душа ей рада.
Так вечно возрождается любовь.
Я вас прошу, лозу рубить не надо.

* * *

Еще не отступили силы зла.
Еще грозят бедою неминучей.
И плачет виноградная лоза
Над полем,
 надо мной слезой горючей...

* * *

Хотел бы виноградною лозой
Три раза опоясать шар земной,
Чтоб на Всемирный праздник урожая,
Резной листвою планету украшая,
Сходились пахари и садоводы,
Свободные и гордые народы
Садлись все за праздничным столом.
Земля лучами ласково согрета,
Одной лозой обвитая планета,
Была для всех —
 счастливый светлый дом!

* * *

Склоняю голову перед лозой.
Расти, лоза!
Будь нежной и певучей.
Я не позволю темной силе злой

Скрутить тебя и довершить разбой.

Лоза не будет

 провоолокой

 колючей...

Я — Человек,

Планеты краткий гость,

В руке сжимаю солнечную гроздь.

* * *

Капли капают:

дзинь-дзинь!

Слышите, не так ли?

День безоблачен.

— Синь-синь! —

Пронзносят капли.

На деревьях тает снег,

Тает снег на крышах.

И выходит человек,

Сразу их услышав.

Торопливо, как в теплынь,

Двери отворяет —

Хмур. В очках. А сам:

— Синь... Синь!

Тоже повторяет.

Налегке и шапки нет,

Теплый шарф расправил,

Точно в нем растаял снег,

Старый снег растаял...

* * *

Приснился сон. Я сплю и снится мне;
Заснул и вижу тяжкий сон во сне,
Как будто сплю и вижу тот же сон:
В небесной мгле лечу я, невесом.
И в зеркале горит звезда. Светла.
И предо мной без счета — зеркала.
Я перед каждым зеркалом стою.
Я дую тихо на звезду свою...
Хочу, чтоб в небе ярче разожглась,
Чтоб мглы ночной исчезла злая власть,
Чтоб рухнули бессилья зеркала,
Чтоб мысль свободно воспарить могла,
Моря времен одолевая вплавь,
В себе соединила сон и явь.

* * *

Как ощутимо притяженье!
Когда с космических высот
Пойдет кабина на снижение —
На землю космонавт сойдет.

Робея, ступит на тропинку
И снова учится ходить,
На муравья и на былинку
Боясь случайно наступить.

Он слышит шум и воркованье
Речной воды, лесных ветвей...
И осторожными глотками
Пьет воздух Родины своей!

Мечта

А мне простого
Хочется,
А мне простора
Хочется!

Чтоб если даль
Весенняя —
То целая
Вселенная!

И на ветвях
Соцветия —
Слепящие созвездия.

Бескрайности,
Безбрежности,
Людской любви
И нежности.

И в этой неоглядности
По тропке
Проходя,
И радуги,
И радости
Встречать после дождя.

Не уставать,
Надеясь
И знать, что цель близка.

Ковшом
Большой Медведицы
Испить
Из родника!

Космонавты

Испытания шли, испытанья...
Парни, без исключения, все
Постигали основы летанья,
Стойко в адском вертятся колесе.

И минуты казались веками,
Надо было сто жизней прожить.
Леденящую тишь сурдокамер
Только воля могла сокрушить.

Приближалась великая жатва.
Выверялся до точки маршрут.
Не сегодня — когда-нибудь завтра
Космонавтами их назовут.

И хотя с ног валила усталость,
Испытания новые шли...
Нелегко это им доставалось:
Чувство неба и чувство земли.

Метеорит

Летит,
Летит метеорит.
Узнай, что было с ним,
Что стало...
Еще мгновенье — он сгорит.
Осколок льда или гранит,
Иль слиток редкого металла.
Летит,
Летит метеорит.
А может,
Был он кораблем
И у созвездья Волопаса
Он стартовал гремучим днем.
Но пламя содрогнулось в нем
И небо для него погасло...
Обломки люка,
Тонких плит,
Разбитый компас у штурвала...
Летит,
Летит метеорит.
Узнай, что было с ним,
Что стало.
Затерянный
На дне морском,
Сокрытый в недрах и пучинах,
В еще неведомых долинах

Был найдет кем-то,
А потом
Стал первобытным топором.
Он послужил тогда немало,
Веревкой грубою обвит.
Летит,
Летит метеорит —
Узнай, что было с ним,
Что стало.
А может,
Был планетой он.
На перекрестках мирозданья
Являлся местом обитанья
Иных племен,
Иных времен.
Поверить страшно:
Жили-были.
Века.
Тысячелетья.
Там.
Огромный мир не поделили
И разлетелись по частям!
Он столько тайн в себе таит...
Летит,
Летит метеорит!
И ты
Гляди в ночи
И жди,
И росчерк улови мгновенный.
Метеоритные дожди
Не затихают во Вселенной.

* * *

Порой,
Усталый и болезный,
Идешь с работы
В поздний час.
И все же
Звездный свод небесный
Ты держишь
На своих плечах.

Горообразование

Укрыться в тиши невозможно.
Нельзя переждать за стеной:
Тревожно,
Тревожно,
Тревожно
Земля загудела весной.
В садах покачнулись деревья,
Привыкшие твердо стоять.
И в миг покосились строенья,
И реки направились вспять.
Но стихло...
Вокруг разговоры
И споры солидных умов:
— Представьте,
Здесь вырастут горы,
На месте садов и домов.
Минуют,
Наверно,
Столетия —
И здесь, посреди мостовых,
Земли каменистые ветви
Прорвутся из недр огневых.
Лавина машин.
Коридоры.
Мы чинно ступаем по ним...
А рядом

Рождаются
Горы
По древним законам земным.
Круша переулки, заборы,
Ломая привычный уют,
Гудя, поднимаются горы,
Иные вершины встают!

День травы

Прочел я книгу «День травы»*
И обратился к ней на Вы:
— Спасибо Вам,
 что Вы пришли,
Что надо мною журавли
На небесах страниц пропели
И у кустов прибрежных сели...
Спасибо, что услышал я
Шум сосен. Он смешался скоро
С журчаньем Балтского ручья,
Звучаньем Домского собора.
Но надо бы сказать сперва,
Наверно, главную из истин:
Что все живущее — трава,
И даже мы — подобны листьям.
Трава растет, шумит, цветет —
Ромашка, ландыш, медуница.
Губами ловим кислород.
Нам вежесть луговая снится.
В траве теряется тропа...
И поднимается высоко
Любовь — трава,
 Мечта — трава,
Разлука — острая осока...

* Книга латышского поэта Мариса Чаклайса.

Хочу сказать спасибо Вам
За праздник трав, за подорожник.
Он, вдвое сложенный, поможет
И снимет боль с горящих ран.
Прорвется сквозь асфальт трава,
Могучая трава прозренья.
И в сердце прорастут слова...
И нескончаем День Творенья.

Братья по разуму

Привет,
Дорогой человеке!
О чем ты мечтаешь?
О встрече.
Как в сказку поверить ты рад —
От нас в миллиардах парсеков,
В каких-нибудь тамошних жэках
Живет
Твой ненайденный Брат.

Какой из себя: кругловат,
Спиралеподобен, квадратен
Иль как океан необъятен?..
Ты ждешь,
И порыв твой понятен:
Глаза твои в небо глядят.

Лучистые
Точки
Горят...
Неведомых книг окончанья.
Года и века ожиданья.
Уверенность,
Что прилетят
Пришельцы, а может, примчальцы,
Пока они — неандертальцы...

Пока они — камни и спят...
Шагаешь.
Твой разум — крылат!
Встречаемся мы у подъезда.
Мне имя твое
Неизвестно,
Ты в лифте стоишь,
Угловат.
— А вам на какой?
— Мне до пятого...
— Мне дальше,
Мне аж до девятого...

Молчим. Сигареты дымят.
Откуда? Наверно, с работы,
Однако молчишь отчего ты?
Ты кто? Балагур, или хват,
Иль точных наук кандидат?
Платон, Аристотель, Сократ...

То будни проходят, то праздники,
Мы ходим и дышим по-разному,
Мы истину ищем по-разному.

Тоскуем и любим по-разному,
Относимся к людям по-разному,

Ступаем по свету по-разному,
Готовы к ответу по-разному,

О вечности спорим по-разному,
Мы смотрим на вещи по-разному.

И все же мы — братья по разуму!

Баллада об аистах Бухары

В город по весне однажды
Аисты не прилетели.
И почти над крышей каждой
Гнезда ветхие темнели.

Март прошел. Но и в апреле
Пустовали птичьи гнезда.
То ли птицы заболели,
То ли сбили с курса грозы.

Иль в округе шумно стало:
Теснота. Автомобили.
Птицы белые устало
В дымном небе покружили,

Дальше двигаясь несмело...
Май. Дышало зноем лето.
И гнездо осиротело
На верхушке минарета.

В городе гремели свадьбы,
Ярко улицы пестрели.
Отчего это, узнать бы,
Аисты не прилетели.

Может быть, на самом деле
Птицы сгнули, пропали.

Или где-то рядом сели,
Гнезда новые собрали.

Или все же на рассвете
Птицы счастья прилетали.
Новорожденные дети
В люльках радостно кричали.

Осень шла за жгучим летом.
За неделями недели.
Снег лежал. Но и под снегом
Гнезда мертвые темнели.

Только на исходе марта
Крик взметнулся среди улиц,
Повторяясь многократно:
— Наши аисты вернулись!..

Наконец-то прилетели.
Было ветрено и звездно.
Птицы в сумраке белели,
Ремонтировали гнезда.

Вешнее утро

Я просыпаюсь
И шагаю в утро.
Я убеждаюсь,
Все в природе мудро.
Цветут сады. Не шелхнутся ветки.
Перед красой такой застыли ветры.
Лишь первые дожди заговорили,
Цветы головки бережно склонили,
Чтоб капли — озорные удалцы
С цветов не смыли золото пыльцы.
Работу пчелы кончили. Устали.
Присели, важно шевеля усами.
Вперегонки уже пустились ветры,
Сдувая лепестки
и пустоцветы...
Рукою к влажной ветке прикасаюсь,
Под нежной коркой бьется пульс весны,
Листки под солнцем сочно зелены
И молодая прорастает завязь.

Слава бывает хитра, и лукава,
И быстротечна, как жгучая лава,
Зла, беспощадна,
 темна и кровава...
Только к чему тебе
 вся эта слава!
Лучше прожить неизвестным,
 но честным,
Горечь порой неплохая приправа.
Правда, под сводом капризным небесным
Есть еще добрая вечная слава.

Путь книг

Чудо высшее — библиотеки!
И покуда в полете Земля,
Вот ее бортовые отсеки —
Заходи
 и вставай
 у руля!
Здесь на полках
 сердец вдохновенье:
Фолианты,
 тома,
 письмена...
Главной истины в них подтвержденье,
Что полет —
 через все времена!
Шелестят, словно крылья, страницы,
Позолотой обложки блестят...
И пускай
 нескончаемо длится
Возвышающий нас листопад!
Сквозь гряды облаков
 над рекою,
Прочертив голубой небосклон,
Хоть одну
 летащей строкою
Выйти в космос грядущих времен!
Книги не умирают, ветшая,

Крылья

Время птичьих перелетов:
Журавли
Взлетят,
Трубя...
Да и в нас
Проснется что-то,
Не отпустит от себя.

Кажется,
Еще усилье —
И сейчас
Поднимут нас
Крепкие,
 тугие крылья,
Что являлись
В детских снах.

Журавли
Умчатся дальше,
Прогремит
Ракетный гром.
Ах, земля,—
 гнездовье наше,
Голубой аэродром!
Кажется,
Еще усилье...

Вспоминаю на бегу:
Крылья в детстве —
Были, были,
Сняли где-то и забыли
В чистом поле,
На лугу...
Точно вспомнить не могу...

Время птичьих перелетов.

Трава

Дивная сила травинке дана:
Толщу асфальта буравит она.
Как ни топчи
И асфальт ни латай,
Хлынут лучи
На заре через край,
Хлынут ручьи —
И — пробьется трава,
У перекрестка заметна едва.
У перекрестка того, где, любя,
Жду, как мальчишка волнуюсь, тебя.
Здесь на нее
Может всяк наступить.
Но не сгубить ее,
Но не избыть.
Травку заметит в пути пешеход
И удивится:
— Смотрите! Растет!

Земля —
 звезда родных людей...
Звезда
 шумящих тополей...
Мерцают реки и поля —
И это все
Звезда Земля!
Ее лучи —
 в траве роса...
Ее лучи —
 твой глаза...
Черты любимого лица,
Пути,
 которым нет конца.
Сильнее бурь
 и черных бед
Свет голубой,
Нетленный свет!

Резвится талая вода —
Как молода
Земля-Звезда!
В цветах
 и в золоте хлебов,
Звезда-Мечта,
Звезда-Любовь.

Земля —
звезда родных людей...

И верю я
Еще сильнее:
Не потускнеет синева,
Взметнется юная листва!
Сойдут снега,
Растает лед.
Подснежник
Утром расцветет!
Исчезнет
лютая вражда...

Свети всегда,
Земля-Звезда!

СОДЕРЖАНИЕ

Горы мои

- 5 «Самарканд в окружении гор...»
- 7 Горы мои
- 9 Материнство
- 10 «Жизни вечнозеленое древо...»
- 11 Скрипка
- 13 «Бьют капли по мерзлому снегу...»
- 14 «Не забыв о давней той примете...»
- 15 Муравей
- 16 Караван
- 19 «Семь — вещее число...»
- 20 Легенда о Бибиханым
- 22 Напутствие
- 23 Жажда
- 26 Горные тюльпаны
- 28 «Росла высокая трава...»
- 30 «По ночам ближе к дому...»
- 33 Тысячелетняя чинара
- 35 Воспоминание об отчем доме
- 38 «Футбол, чему ты учишь...»
- 40 Старый садовод
- 42 «Язык всегда велик...»
- 43 «Земля людей» — сказал Экзюпери...»
- 45 «В тебя я верю, Век...»
- 46 Хашар
- 48 Слиток хлеба
- 50 Дикая яблоня

- 53 «Поэзия — ты не урок...»
55 Музыка
57 Беатриче
61 Гончары

Руки матери

- 67 Руки матери
68 «Постоянно вспоминаю...»
69 Пятидесятые года
71 «Мать писем от сына ждет...»
72 «Лишь провода замкнутся ветром...»
74 Дорога
75 Материнская память
80 «Торопятся куда-то облака...»
81 Музыкальная школа
82 Черепки
84 «Бросили в реку меня...»
85 Песня матери
87 «Издревле человек...»
89 «Какой язык, скажите...»
91 «Ребенок лепит, лепит...»
92 «В песках находят иногда...»
93 Анна Ахматова
95 «Саласпилс. Сосны...»
97 «А сколько осколков...»
98 Поэт и горизонт
100 Апрель, май
103 «Женщина — она всегда...»
105 Тополя в степи
106 «А река — как будто бы рука...»
107 Декабрьские розы
107 «Дочь моя родилась в январе...»
109 Имя реки

Афрасиаб после дождя

- 113 Клинок
- 114 Афрасиаб после дождя
- 116 Средние века
- 117 Монолог Машраба
- 118 «Укрыл снег легенд...»
- 120 Нумизматы
- 122 Фрески Афрасиаба
- 128 Бытие
- 129 Соль земли
- 130 Вспоминаю мудрость Рудаки
- 131 Осенняя ночь
- 135 Корни
- 137 «Что ты видишь за этой строкой...»
- 138 «Мои корни в родной земле...»
- 139 Птицелов
- 140 Пустыня
- 141 Ая-София в Стамбуле
- 142 Доктор времени
- 144 Синий город
- 145 Письмена
- 146 Хамза
- 150 «Живут и пахарь, и кузнец...»
- 152 Возраст
- 153 Луговской
- 154 Бухара
- 156 Предки
- 157 «Восток и запад...»

Два крыла

- 161 Воин и птица
- 163 Горсть земли
- 165 Пшеничное и хлопковое поле

- 166 «Сын Азии...»
168 Камни Армении
169 Дальнее эхо, ближнее эхо
170 «Россия начинается с берез...»
171 Цветы в тайге
172 У берез в глазах
173 «Вьются снега новогодние...»
174 Составы
176 «Не существует вещей снов...»
178 Ель
179 «Люди ждут особенных вестей...»
181 «Церковь на краю села...»
182 Поэт
185 «Что это?..»
186 Язык человечности
188 «Тишина бывает разной...»
189 Иван и жар-птица
196 Волшебная рыбка
198 «Давно то было...»
199 «В тиши бескрайней чей-то зов...»
200 «Земля! Ты словно плод...»
201 «Если ввысь стрижи...»
202 Баллада о человечности
204 Твои черты
205 «Как будто изнутри освещена...»
206 «Какова цена...»
207 Кукушка
208 Полярное лето
209 «Говоришь:— До свидания...»
210 Линия жизни

Сны городов

- 213 Окрыленное сердце
216 Самарканд. Уходящая окраина

- 217 «Март — снежок и льдинок хруст...»
218 Современная история
221 Деревья в саду
222 «Иногда, иногда...»
223 Из цикла «Городские элегии»
225 «Одна любовь умрет...»
226 «Скорая помощь...»
227 Снятся кони
228 «Кто-то в окно постучался ко мне...»
229 Друг
230 «Голос исчезнувшей птицы...»
232 «Отлетела ближнего душа...»
233 «Снег, переходящий в ночь...»
234 «Ты утверждал, что прав...»
235 «Вновь улицы стали белить...»
236 «Мещанин во дворянстве...»
238 В зале ожидания
240 Новоселье
241 Из цикла «Пять минут Хиросимы»
243 «Джон Гибсон изучает страх...»
245 «Созрело яблоко...»
246 Будда — укротитель змей
249 «Журавли пролетают весной...»
250 Японские ловцы жемчужин
251 «Мертвый ельник...»
252 Художник из Сполето
253 Девочка на шаре
255 Болезнь друга
256 Сад камней
258 Новый Гамлет
259 «Хироси-ма...»
260 Прощенье
261 Песенка для госпожи Като
262 «Мамонты... Но что случилось с ними?...»
263 «Да, это так...»
265 «Как заклинание...»

Зимние деревья

- 269 Снежная зима
270 Скворечник
271 «Теорема о двух параллельных прямых...»
272 Дети природы
273 Лесное озеро
274 «Снега первого белый конверт...»
275 «Эта линия разлома...»
276 «Бегу куда-то, тороплюсь...»
279 Река
280 Зимний сон
281 Жизнь
282 «А зима слывет невестой...»
283 Комната смеха. Зеркала
285 Воспоминание о Снегурке
286 Донецкая криница
287 «Снег осунулся, темнея...»
288 Сосны, растущие на берегу
290 «Не успеваем проститься...»
293 Из цикла «Цветные дни...»
295 «Еще вчера темнели ветви...»
296 Весна
297 «После дождя — акварели...»
298 Времена года
299 Рождение радости
300 «Когда-нибудь и Ты...»
301 «На берегу ты читала...»
302 Галатея
304 «Небеса в оконной раме...»
305 Счастье
306 «Хочешь? Напишу тебе...»
309 «А много ли врагов?...»
311 «Ждал не тебя...»
312 Белые ночи
314 «Микеланджелловские облака...»

- 315 «Скромна могила Северянина ..»
316 Влюбленный ветер
317 «Ты думала: «Переживу...»
318 Зов журавлиный

Земля — звезда

- 321 Землевращение
323 «Живет на свете человек...»
325 «Современник, ты — мой собеседник...»
326 Каменная книга
327 Средняя Азия
329 Синий Самарканд
330 «Прибавил день...»
331 Неоконченное стихотворение
332 «К мировой причастен тайне...»
333 «— Синицы, а откуда вы?..»
334 «Что смерть или иная жуть...»
335 Благословенный месяц — март
336 «Если вас не затруднит...»
339 Ступени
340 «Я знаю теперь, что разлука...»
341 Аральское море
343 «Три сосны из школьного окна...»
345 Колодцы
346 Виноградная лоза
349 «Капли капают...»
350 «Приснился сон...»
351 «Как ощутимо притяжение...»
352 Мечта
354 Космонавты
355 Метеорит
357 «Порой усталый и болезный...»
358 Горообразование
360 День травы

- 362 Братья по разуму
364 Баллада об аистах Бухары
366 Вешнее утро
367 «Слава бывает хитра и лукава...»
368 Путь книги
370 Крылья
372 Трава
373 «Земля — звезда родных людей...»

Раим Хакимович Фарҳади

ПОД СНЕГОМ ЛЕГЕНД
ЗЕЛЕНЕЕТ ТРАВА

Сихотворения и поэмы

Редактор *А. Липкина*
Художник *О. Галицкая*
Художественный редактор *И. Кириакиди*
Технический редактор *Т. Смирнова*
Корректор *Л. Лебедева*

ИБ № 1991

Сдано в набор 04.08.81, Подписано в печать 14.01.82. Р 07612.
Формат. 70×90^{1/2}. Бумага офсетная. Литературная гарнитура. Вы-
сокая печать. Усл. печ. л. 14,4 Уч. изд. л. 11,16. Тираж 5000.
Заказ №1418. Цена 2р.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма.
700129, Ташкент, ул. Навои 30.

Полиграфкомбинат Ташкентского производственного полиграфичес-
кого объединения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент. ул.
Навои, 30.

Фархади Раим.

Под снегом легенд зеленеет трава: Стихотворения и поэмы.— Т.: Изд. лит. и искусства, 1981.—384 с.

В сборник включены произведения из предыдущих книг Раима Фархади, созданных за двадцать лет поэтического творчества, а также новые стихотворения о родном крае, о зодчих, гончарах, садоводах, о природе, нас взрастившей, о добре и зле, о любви.